№3, ноябрь 1992

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

МЫ ИСХОДИМ ИЗ РЕАЛЬНОСТЕЙ

С ПОСЛОМ ТУРЦИИ В БЕЛАРУСИ ТАНСУ ОКАНДАНОМ БЕСЕДУЕТ КОРРЕСПОНДЕНТ «ЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ» АЛЕКСАНДР СТУПНИКОВ

— Турция — одно из первых государств, признавших независимость Беларуси и установивших с ней дипломатические отношения. Понятен интерес Турции к Закавказью, Средней Азии и Украине. Но почему турецкое посольство оказалось одним из первых в числе новых дипломатических миссий в Минске?

— По-моему, это вполне естественно. И Беларусь и Турция — европейские государства. Мы, в силу исторических причин, всегда ориентировали свою политику и на Восток и на Запад. Разумеется, особое внимание обращали на Советский Союз. Закономерно, что после его распада Турция немедленно стала устанавливать дипломатические и торговые отношения с новыми государствами. Мы — энергичная страна и стараемся немедленно реагировать на политические перемены в мире.

— И потому согласны начинать работу даже в тесных условиях гостиничного офиса?

— Мы просто исходим из реальностей. Конечно, посольство, размещенное в номерах даже такой современной гостиницы как "Беларусь", работает в стесненных условиях. Но это временно. Мы пытались, пока, к сожалению, безуспешно найти отдельное здание. В штате посольства уже работает одиннадцать человек. Видимо, скоро переедем, откроем консульский отдел в здании СНГ. Понимаем, что не все сразу строится.

— Как вам удалось за столь короткий срок, что называется, прорваться и стать реальной политической и экономической силой не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и пожалуй, в мире?

— Я думаю, что успех Турции основан на демократизации общества и либерализации экономики. Относительно недавно моя страна переживала примерно такие же катаклизмы как и Советский Союз. После распада Оттоманской империи, которая представляла из себя многонациональное государство, мы столкнулись с весьма похожими на ваши сегодняшние проблемами. Процесс постепенной либерализации экономики начался еще в пятидесятых годах. По мере его развития и демократизации общества, успехов внешней торговли стала укрепляться и турецкая лира, которая сегодня — вполне конвертируемая валюта.

— Каков в Турции уровень инфляции?

— Где-то шестнадцать процентов в год. Я бы не сказал, что это низкий процент, но, в целом, страна развивается успешно. Мы поставляем в Европу кожу и изделия из кожи, металл, изделия из стекла, текстиль, ковры, различную сельскохозяйственную продукцию, табак.

— Как член НАТО, Турция, наверное, получала значительную помощь от Запада и, в частности, от США?

— Один из поистине чудесных аспектов развития нашей экономики состоит в том, что Турция всегда старалась опираться на себя. В конце 70-х — начале 80-х годов мы получили ряд кредитов с Запада. Но, хочу подчеркнуть, это были кредиты, а не безвозмездная помощь. Мы сделали ставку на либерализацию внешней торговли, на создание выгодных условий для инвесторов, туризм. И это дало свои плоды.

— А как собираетесь торговать с Беларусью, ведь у нас нет полноценной валюты? Или вы работаете на перспективу?

— Уже готов проект взаимовыгодного торгового соглашения между Турцией и Беларусью. Думаю, в ближайшее время делегации наших стран смогут рассмотреть его и подписать. Сегодня мы можем успешно торговать на условиях бартера. Беларусь — страна с большим экономическим потенциалом, здесь есть развитая промышленность и высококвалифицированные кадры. При взаимном желании можно найти немало аспектов сотрудничества.

(Окончание на стр. 2.)

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ

ЗАЧАРОВАННЫЕ СМЕРТЬЮ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Фото Ю. Бондарева

Имя автора не нуждается в особом представлении. Книги Светланы Алексиевич, начиная с "У войны не женское лицо", хорошо известны читателю. Новая работа писательницы — все в том же человеческом, исповедальном жанре — о наших современниках, о нас самих, оказавшихся в трагическом разломе, когда рушится связь времен и так трудно выстоять человеку. Сегодня мы начинаем публикацию глав из книги "Зачарованные смертью".

История, рассказанная молодым человеком, который понял, что жизнь больше Феллини, чем Бергман

АЛЕКСАНДР ЛАСКОВИЧ — СОЛДАТ, 21 ГОД

— Выбирал не я, выбирал кто-то другой: либо умру, либо не буду знать, что живу. До сих пор я в этом не уверен... Я не был в Америке, но мне часто кажется: я там жил... Смотрю на чужие картинки, как на что-то знакомое... Я не знаю, кто сейчас сидит с вами за столом, разговаривает? Может быть, это я? А, может, и нет? Иногда я все о себе забываю... Потом вдруг наткнешься: вроде бы это я? Мне никогда не нравилось быть мальчиком... Все выбрали без меня: имя, место, время... Нос, форму ушей, цвет волос... Мама мечтала о девочке, папа, как всегда, хотел аборт. Там, еще в утробе матери, я чувствовал, это впиталось в мою подкорку, что я никому не нужен, могу не обнаруживаться, не появляться...

Первый раз я хотел повеситься в семь лет. Из-за китайского тазика... Мама сварила варенье в китайском тазике, а мы с братом ловили нашу кошку Муську. Мама молодая, папа на военных учениях... На полу лужа варенья... Мама проклинает судьбу офицерской жены, которой надо жить у черта на куличках, на Сахалине, где зимой снега насыпает до двенадцати метров, а летом — лопухи одного роста с ней. Она хватает отцовский ремень и выгоняет нас на улицу.

— Мама, на дворе дождь, а в сарае муравьи кусаются...

— Пошли! Пошли! Вон!!

Вечером брат побежал к соседям, а я совершенно серьезно решил повеситься. Залез в сарай, нашарил в корзине веревку... Придут утром: а я вишу... Вот, суки, вам! И тут в дверь втискивается Муська, ее зеленые глаза вспыхнули в темноте, как бенгальские огни... Мяу-мяу... Милая Муська! Ты пришла меня пожалеть... Я обнял ее, и так мы с ней просидели до утра...

Что такое был папа? Папа - замполит авиаполка. Мы перемещались из одного военного городка в другой, все они пахли гуталином и дешевым одеколоном "Шипр". Так всегда пахло и от моего папы. Мне — восемь лет, брату — девять, папа возвращается со службы. Скрипит портупея, скрипят хромовые сапоги. В эту минуту нам с братом превратиться бы в невидимок, исчезнуть с его глаз! Папа берет с этажерки "Повесть о настоящем человеке" Бориса Полевого, в нашем доме — это "Отче наш".

— Что было дальше? — начинает он с брата.

— Ну, он пополз. Съел ежа... Завалился в канаву...

— Какую еще канаву?

— В воронку от пятитонной бомбы, — подсказал я.

— Что? Это было вчера, — вздрагиваем мы оба от командирского голоса папы. — Сегодня, значит, не читали?

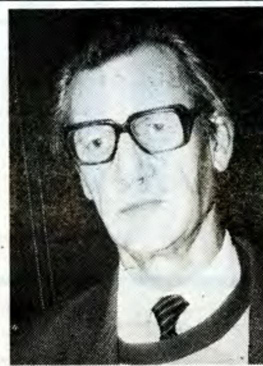
Вращаемся вокруг стола, как три Чаплина — один большой, два маленьких: мы со спущенными штанами, папа — с ремнем. Все-таки у нас у всех киношное воспитание, да? Не из книг, а из фильмов мы выросли... Книги, которые приносил в дом папа, у меня до сих пор вызывают аллергию. У меня температура поднимается, когда я вижу у кого-нибудь на полке "Повесть о настоящем человеке". О! Папа мечтал бросить нас под танк... Он хотел, чтобы я попросился в Афганистан... А если бы мне там отсекли ноги, вот тогда его жизнь не зря. Он был бы счастлив! Он мог бы меня расстрелять, случись война, и нарушь я присягу. Комплекс Тараса Бульбы... Папа принадлежал идее, он — не человек. Но меня никак не удавалось запрограммировать на войну... Или на щенячью готовность заткнуть собой дырку в плотине, лечь пузом на мину... Я давил божьих коровок, на Сахалине летом божьих коровок, как песка. Давил их, как все, пока однажды не испугался: чего это я столько маленьких красных трупиков наделал? Муська родила недоношенных котят...

(Окончание на стр.11.)

В НОМЕРЕ:

АВАНСЦЕНА:

ВАЛЕНТИН АКУЛОВ, политический обозреватель «ЕВ»

ДЕЛО О РЕФЕРЕНДУМЕ: КТО ВЫИГРАЛ?

Итак, предложение инициативной группы провести референдум по вопросу о досрочном роспуске Верховного Совета республики отклонено. И это пока единственный политически значимый результат проходящей сессии.

Рвет и мечет парламентская оппозиция БНФ. Не скрывает своего удовлетворения бывшая комноменклатура. И у той и у другой есть, казалось бы, к тому все основания. В самом деле. Как оппозиции не прийти в неистовство — первая же серьезная политическая акция с треском ею провалена. Провалена бездарно, ибо не было ни малейшей необходимости идти на те многочисленные нарушения закона о референдуме, которые констатировал в юридически точно выверенном заключении выступивший от имени Президиума председатель комиссии по законодательству Д.Булахов. Строить из себя задним числом оскорбленную невинность у оппозиции нет решительно никаких оснований — закон есть закон. И если мы всерьез, а не только из соображений моды ведем речь о правовом государстве, пора привыкать: в правовом государстве любое нарушение закона немедленно влечет за собой для нарушителя соответствующие юридические последствия. Не может не испытывать удовлетворения и бывшая комноменклатура. Как же — после состояния полнейшей политической прострации, в котором она пребывала все эти послепутчевские месяцы, первая ощутимая победа. Почти еще два года можно спокойно "рулить".

Не принимают ли, однако, противоборствующие стороны видимость за явление? Не абсолютизируют ли значение того, что произошло? Не смешивают ли парламентскую грызню с теми глубинными процессами, которые происходят в обществе? Очень многое говорит за то, что дело обстоит именно таким образом. А вместе с тем, если всмотреться в суть дела, а не порхать по его поверхности, никаких тектонических сдвигов не произошло: оппозиция напрасно драматизирует ситуацию, ее оппоненты столь же неосновательно бросают в воздух чепчики.

Для оппозиции, похоже, все было сфокусировано в одной проблеме: положительном решении вопроса о проведении референдума. В его исходе, равно как и в своей победе на досрочных выборах она нисколько не сомневалась. Думаю, что это одна из тех иллюзий, которыми вообще живет оппозиция БНФ в парламенте. Во-первых, не может быть никакой уверенности в том, что референдум состоялся бы. Пустующие места в парламенте — это ли не свидетельство, что народу обрыдла возня, в которой упражняются агрессивно-послушное большинство и не желающее никого и ничего слышать столь же агрессивное меньшинство в Верховном Совете. Во-вторых, даже если бы референдум состоялся, его результаты далеко не очевидны. В-третьих, откуда это следует, что новые выборы принесли бы победу оппозиции? По крайней мере, существенно изменили бы в ее пользу соотношение политических сил в новом парламенте? Это ровным счетом ниоткуда не следует. Результаты социологических исследований, которыми тешит себя оппозиция, в такой же мере заслуживают доверия, как астрологические прогнозы, которыми потчуют почтенную публику многочисленные служители этой модной ныне сферы интеллектуальной деятельности.

Оппозиция, правда, все, кажется, предусмотрела. Вплоть до того, что сам проект нового закона о выборах разработала "под себя". Чего стоит хотя бы содержащееся в нем предложение голосовать по партийным спискам. И это в условиях, когда наши политические партии и движения сплошь и рядом состоят из председателей и их заместителей. Сработала логика большевизма: кто не с нами, тот против нас. Или, что одно и то же: кто против наших политических противников, тот за нас. Старая комноменклатура вызывает аллергию у народа, следовательно, народ будет голосовать за кандидатов оппозиции.

Увы, время для подобного политического расклада безнадежно упущено. За прошлый год наша "независимая" демократия умудрилась столько дров наломать, столько глупостей понаделать, явила миру такое непроходимо-дремучее невежество в управлении государственными делами, обнаружила такой поистине уникальный хватательный рефлекс, что потеряла в глазах народа всякую привлекательность. Демократический хрен оказался ничем не слаще комноменклатурной редьки. Результаты выборов в Литве, катастрофическое падение рейтинга российского правительства и самого отца посткоммунистической российской "демократии" Б.Ельцина — нужны ли еще другие тому доказательства? А бойни, которые устроили "демократы" гг. Снегур и Шеварднадзе в "независимых" своих вотчинах — неужели народ всего этого не видит? Мне могут возразить: причем тут оппозиция БНФ? Разве она может нести ответственность за то, что вершится в "чужих державах"? Разумеется, нет. Но разве не она, наша оппозиция, все время корила руководство республики за отставание от процесса "демократизации" в Прибалтике? Разве ее программа не списана со старательностью отстающего ученика с программы "Саюдиса"? Полно, оппозиция БНФ недооценивает народ, от имени которого так безапелляционно пытается говорить.

По той же большевистской логике мыслят и наши "бывшие". Сдвиг в общественных настроениях расценивается ими как "прозрение народа", возвращение блудного сына в лоно матери КПБ и ее "социалистических ценностей". Сколько претенциозного вздора наговорено ими в последнее время хотя бы на ту тему, что, мол, народ не приемлет проводимых демократами реформ, не приемлет рынка. Но разве рыночную экономику строят эти господа? Они строят криминогенную экономику. Под фальшивым лозунгом перехода к рынку идет наглое, попирающее все правовые и моральные нормы ограбление народа.

Товарищи "бывшие" заблуждаются: не реформы не приемлет народ. Он не приемлет разбойную политику, которую проводят под ворованным флагом всплывшие на политическую поверхность временщики. И ностальгии по "коммунистической перспективе" у народа тоже нет. Эта идеологическая карта бита. И ренессанс для нее уже не наступит — не надо питать несбыточных надежд.

Порадовало иное: в нашем парламенте ощутимо зреет третья политическая сила, не делающая ставку на "коммунистическую перспективу", но и не озирающаяся постоянно на средневековое светлое прошлое. Весьма симптоматичны в этом смысле и отход от крайнего радикализма БНФ некоторых его сторонников, и поредение "монолитных рядов" парткоммунистических ортодоксов. Пока эта сила слаба и не организована. Вероятно, к ней примкнут и представители серьезного бизнеса, здравомыслящие хозяйственники. Но именно за ней будущее. Можно не сомневаться, что именно она, эта сила, будет праздновать победу на выборах весной 1994 года.

Так кто же все-таки выиграл от решения Верховного Совета, спросит читатель? А в выигрыше оказался Вячеслав Кебич, сохранивший для казны почти полмиллиарда рублей. Следовательно, и мы, граждане Беларуси.

МЫ ИСХОДИМ ИЗ РЕАЛЬНОСТЕЙ

(Окончание. Начало на стр.1)

— Вы профессиональный дипломат или назначение в Беларусь связано для вас с переменой карьеры?

— Я работаю в системе МИДа с 1965 года. Был вице-консулом в Антверпене, работал первым секретарем турецкого посольства в Кувейте, был на дипломатической службе в Вашингтоне, в Лос-Анджелесе, в Мексике. Преподавал в Риме, в специализированном колледже. Последние годы занимался в Анкаре вопросами сотрудничества с западноевропейскими странами. О Беларуси, признаюсь, знал немного, поскольку прежде все республики СССР ассоциировались сугубо с Москвой.Нохочуузнатьипонятьваш народистрану,беру чстные роки белорусского языка.

— А как отреагировала ваша жена, узнав о назначении в Минск?

— Она уже привыкла за 27 лет к постоянным переездам и новым странам. Признаться, я ее даже не спрашивал, но сейчас вижу, что она вполне довольна.

— В Минске открывается все больше посольств и представительств, но чем они занимаются простому жителю республики непонятно. Нам все равно приходится ездить за визами в Москву...

— К турецкому посольству это не относится. Мы уже выдали более четырехсот виз здесь, на месте. Но въездную визу вы можете получить и прямо на границе в аэропорту в Стамбуле.

— Нас все время возят и, в основном, по привычке, скопом, группами. А если гражданин Беларуси захочет, как нормальный турист, поехать к вам в частном порядке, ему надо будет на границе показывать определенную сумму валюты, как-то объяснять, обосновывать свое желание?

— Мы не предъявляем каких-либо предварительных условий для въезда в страну. Достаточно того, что человек хочет ее посетить. Мы рады гостям, у нас есть что показать. От древней столицы хеттов под Анкарой и громадных древнеримских амфитеатров до замечательных соборов и уникальных уголков природы. Турист, настоящий турист — в Турции уважаемый человек.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

ВЛАДИМИР УСОСКИЙ, кандидат экономических наук

ПРИВАТИЗАЦИЯ ПО-БЕЛОРУССКИ

Процесс приватизации в республике находится еще в зачаточном состоянии. Начальные шаги, сделанные Совмином и Комитетом по управлению госимуществом, сведены в основном к передаче прав собственности трудовым коллективам. На 1 октября 1992 г. общая оценочная стоимость имущества объектов республиканской и коммунальной собственности составила 1,735 млрд.руб., общая сумма уставного фонда — 519 млрд.руб. На этих предприятиях работает 62.650 человек. Правительство Беларуси еще до принятия закона о приватизации сделало ставку на создание экономической сферы, подобной той, которая создавалась в свое время правительством СФРЮ. Югославская экономика была ориентирована на доминирование самоуправляемых коллективов рабочих. Как показал опыт Югославии, подобная "приватизация" не решает проблем перехода к рыночной экономике, не создает мощных стимулов к труду, инновациям и инвестиционной деятельности.

Самоуправляемые трудовые коллективы, господствующие в экономике, основанной на коллективной собственности, способны только на то, чтобы создать экономическую среду, имитирующую результаты и условия реальной рыночной конкуренции. Если целенаправленно, как было до сих пор в Беларуси, идти по этому пути "приватизации", реальных рынков капитала, труда, кредита, земли и валюты создано никогда не будет. Высокий уровень монополизма "рынков" и гиперинфляции, "проедание" фондов накопления, непомерный рост зарплаты и низкая производительность труда, а также очень слабая восприимчивость экономики к инновациям и НТП — это результат функционирования югославских организаций объединенного труда (ООТ). Надо ли повторять этот опыт в качестве стратегического направления белорусской экономики? Конечно, с учетом тотального господства государства в экономике, коллективная форма собственности может быть использована как одна из переходных ступеней. Хотя уже накопленный опыт функционирования коллективной экономики говорит, что это далеко не лучший путь приватизации.

В июне 1992 г. Госимуществом была изучена работа приватизированного сектора экономики за январь — апрель. Анализ показал, что в связи с либерализацией цен объемы товарной продукции в действующих ценах возросли в 8—10 раз, а по некоторым предприятиям — в 14—16 раз. Соответственно в 5—6 раз выросла общая масса балансовой прибыли, а также в 10 раз чистая прибыль, остающаяся в распоряжении трудовых коллективов, в 1,3—1,6 раза увеличилась рентабельность продукции.

Однако анализ динамики объемов производства в сопоставимых ценах говорит о том, что наряду с их ростом на отдельных предприятиях большей частью идет падение объемов производства. В целом по объектам бывшей республиканской собственности зафиксировано падение объемов производства товарной продукции на 10 %. Значительно хуже обстоят дела предприятий общепита и бытового обслуживания. Здесь падение объема товарооборота и услуг составляет 20-30 % к уровню 1991 г. В целом можно отметить, что в отраслях группы Б происходит спад спроса населения на эти товары и услуги, и в связи с этим — изменение структуры платежеспособного спроса.

Либерализация цен не сопровождалась введением системы жестких бюджетных ограничений и распространением воздействия на неэффективные предприятия "Закона об экономической неплатежеспособности и банкротстве", принятом еще 30 мая 1991 г. Политика "шоковой терапии" ни в коей мере не могла способствовать, как это задумывалось изначально, "ударному" введению рыночных отношений в плановую экономику. Будучи оторванной от перехода к частной собственности, санации предприятий и их реальной приватизации, либерализация цен в условиях гипермонопольной среды могла привести только к реальной гиперинфляции. Следствием же последней был перенос государственном части дефицита госбюджета на уровень предприятий в форме роста их взаимной задолженности. Это было непосредственно спровоцировано отсутствием реальной рыночной оценки производителя товара деньгами покупателя. Отсутствие этого ключевого элемента рынка, конституирующего его как систему реальных товарно-денежных отношений, привело к росту кредиторской и дебиторской задолженности коллективных предприятий по всему сектору соответственно в 5 и 15 раз. Гигантский рост цен, параллельно сопровождаемый таким же ростом взаимной задолженности предприятий друг другу, — это наиболее яркое и очевидное доказательство не рыночного в принципе характера белорусской экономики и, в частности, ее коллективного сектора.

В целом же госпредприятия ведут себя на "рынке" как классические югославские ООТ. Белорусские трудовые коллективы обманывают сами себя: опережающий рост заработной платы по сравнению с производительностью труда не может быть бесконечным. Темп роста производительности в 1992 г. по отношению к 1991 г. в целом по коллективному сектору достиг всего 91,7 %, а весь диапазон изменений составил от 71,6 % до 224 % по отдельным предприятиям. Динамика производительности свидетельствует, что по большей части предприятий произошел спад в темпах роста этого показателя. Отметим, что в целом по сектору не произошло изменений в численности работников. Это говорит о том, что даже при падении объемов производства и производительности, значительном изменении структуры спроса на продукцию и уменьшении ее физических объемов коллективные предприятия никогда не будут реагировать на эти параметры рынка именно как рыночные субъекты. Их действия всегда будут находиться в диапазоне классических нерыночных реакций югославских ООТ в рамках неконкурентной и монополизированной среды.

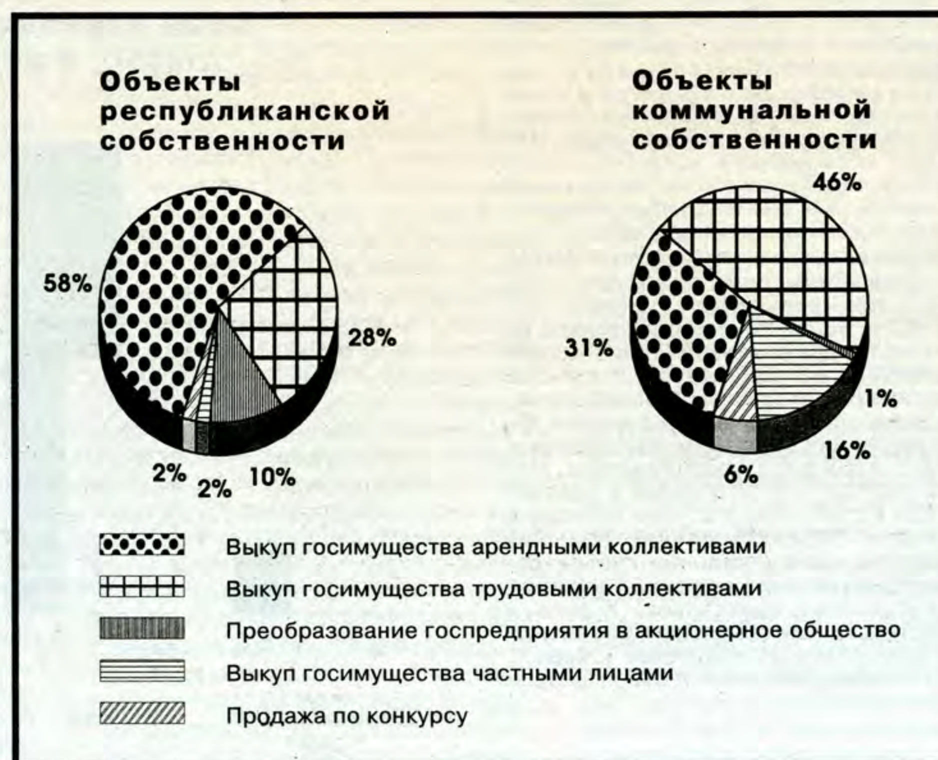
Источником повышения личных доходов в коллективных предприятиях с ухудшающимися результатами хозяйствования является механизм перераспределения валового дохода в пользу фонда потребления и сокращения той части валового дохода, которая направляется на цели инвестирования. На практике именно фонд накопления, а не потребления становится остаточной величиной. Этот процесс подхлестывает и направляет гиперинфляция, в рамках которой процесс производственного инвестирования становится вдвойне бессмысленным, так как утрачиваются и исчезают критерии для разумного и эффективного инвестирования. Поэтому коллективные предприятия определяют структуру фонда накопления соотношением динамики валового дохода и личных доходов работников. Соотношение темпов роста объемов товарной продукции в действующих ценах и роста зарплаты у большинства коллективных предприятий складывается в пользу последних.

Как показал опыт приватизации в Беларуси, предоставление льгот трудовым коллективам путем продажи госимущества не по реальным рыночным ценам, а по остаточной стоимости производится за счет других налогоплательщиков. По оценкам экспертов МВФ, проводивших исследования на двух приватизированных предприятиях, их выкупная цена занижена как минимум в 10 раз. Причем руководители этих предприятий согласились с оценкой экспертов МВФ.

Коллективные предприятия, как правило, остаются монополистами на рынках и действуют в условиях неконкурентной среды. При этом сохраняются те же структуры управления предприятиями с возрастающим безусловным правом трудовых коллективов в распределении средств, составляющих фонды потребления и накопления, а, значит, и с сильным механизмом давления на руководство предприятий.

Более того, сильно разросшийся и укрепившийся коллективный сектор экономики неизбежно будет требовать сохранения в незыблемости неконкурентной и монополизированной среды своего обитания. При этом адекватная реакция на сигналы рынка — уменьшение фонда потребления в пользу фонда накопления для технологического обновления производства, избавление от избыточной численности работников, жесткая увязка оплаты труда в соответствии с производительностью, снижение издержек производства и цен за счет выпуска более качественной и конкурентоспособной продукции — меньше всего беспокоит эти предприятия. Поэтому сохранение теперешнего статус-кво в политике приватизации может только усугубить драматизм макроэкономических проблем.

Одним из серьезных факторов, сдерживающих процесс приватизации, является несовершенство нормативных актов. По сути они сдерживают участие в приватизации юридических и физических лиц Беларуси, ближнего зарубежья, иностранных инвесторов. В целом можно отметить, что акты, регламентирующие приватизацию, носят дискриминационный характер по отношению к частной собственности, противоречат уже действующим законам "Об иностранных инвестициях на территории РБ", "О собственности в РБ", "О предприятиях в РБ", "Об инвестиционной деятельности в РБ", "О предпринимательстве в РБ". Правовой нигилизм проявляется в ряде положений, носящих откровенно антинормативный характер. Кроме того, "Временным порядком..." предусмотрено, что "законодательством РБ, а также решениями местных Советов народных депутатов могут устанавливаться дополнительные условия приватизации". Подобные туманные, неконкретные формулировки являются достаточной базой для произвола органов власти и сдерживания процесса приватизации в экономике.

СОЦИУМ

ОЛЕГ МАНАЕВ, доктор социологических наук, председатель правления Независимого института социально-экономических и политических исследований, член Международного Совета IAMCR (Международной ассоциации по изучению массовой коммуникации)

ЛОВУШКА ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРЕССЫ БЕЛАРУСИ

Сегодня много говорят и пишут о том, что в Беларуси старая, посткоммунистическая социальная система продолжает сохранять контроль над большей частью прессы. И это действительно так. Например, анализ регистрационных документов всех периодических изданий республики, зафиксированных министерством информации на 1 апреля с.г. (тогда их было 550, сегодня уже свыше 600), показал, что учредителями (а следовательно, и реальными владельцами, поскольку абсолютное большинство изданий финансируется своими учредителями) почти 65 % газет, журналов, информационных бюллетеней и рекламных приложений являются старые социальные субъекты, т.е. индивиды, социальные группы и организации, принадлежащие к традиционной структуре тоталитарного общества: компартия, комсомол, официальные профсоюзы, различные государственные структуры, такие общественные организации, как Союз писателей, Фонд мира и др. На долю новых социальных субъектов, принадлежащих к формирующейся структуре гражданского общества — новых политических партий, общественных движений, независимых профсоюзов, структур негосударственной экономики, национально-культурных обществ и т.д. — приходится немногим более трети изданий. Дело, как видим, вовсе не в том, что "правительство прибрало к рукам наиболее массовые и влиятельные издания" — оно является учредителем не более десятка изданий. Дело в том, что государство не есть только правительство: в "рабочем состоянии" поддерживаются основные элементы модели массовой коммуникации, сложившейся в период классического, коммунистического тоталитаризма.

В этой связи многие демократы возлагают свои надежды на те политические силы, которые наиболее активно и открыто противостояли коммунистическому режиму в последние годы: вот рухнет "белорусская Вандея", и "свобода их встретит радостно у входа", и "братья" прессу им "дадут"! Анализ показывает, однако, что развитие демократии в сфере массовой коммуникации тормозится не только посредством сопротивления или мимикрии старых социальных структур. Надежды на некоторых "братьев" оказываются иллюзиями.

Так, в национальных республиках, в том числе и в Беларуси, основной силой, противостоявшей коммунизму, были национально-демократические партии и движения. По мере приближения к власти эти силы стали делать все более ощутимый акцент на ценностях и принципах развития нации, все меньше внимания уделяя ценностям и принципам развития общества и личности.

Один из наиболее ярких и известных примеров — грузинские альтернативные средства массовой информации, которые после победы З.Гамсахурдиа стали блокировать любые голоса оппозиции, в том числе и своих бывших союзников. В результате они превратились в институт нового тоталитаризма, основанного на национализме. Именно отсутствие плюрализма в сфере массовой коммуникации стало одной из важнейших причин гражданской войны, завершившейся свержением президента Гамсахурдиа.

В конце 1991 г. русское издание газеты "Балтийское время" (которое было одним из самых влиятельных альтернативных изданий во время борьбы за независимость Латвии) было арестовано своим собственным учредителем — Думой Народного Фронта Латвии. Причиной послужило то, что газета стала выступать в защиту прав русского населения, проживающего в республике, т.е. выражать точку зрения, отличную от точки зрения своего издателя.

Проследим развитие этой логики на двух белорусских примерах. В начале 1992 г. возник конфликт между руководством известной оппозиционной силы — Белорусского Народного Фронта и его же органом, газетой "Навіны БНФ". Адаптируясь к условиям рыночной экономики, сотрудники редакции (бывшие вместе с руководителями БНФ учредителями газеты) решили расширить сферу своей деятельности таким образом, чтобы обеспечить ее рентабельность. Руководство Фронта не только не согласилось с предложенными изменениями в уставе редакции, но специальным решением назначило заместителя председателя БНФ Ю.Хадыко политическим редактором, по существу цензором. На первом же редакционном совещании он заявил журналистам: "Редакция ставит интересы частного предпринимательства выше политических интересов Фронта. Мы расцениваем это как болезнь капитализма, буржуазности в демократическом движении. Это слишком свободная пресса: я такого не понимаю". Конфликт закончился плачевно. Журналисты вынуждены были отказаться от прав на газету и занялись созданием независимого информационного агентства. Руководители Фронта, в том числе и новый политический редактор, так и не смогли найти новых людей и организовать выпуск "политически правильной" газеты. В результате она прекратила свое существование.

Второй пример связан с деятельностью другой политической силы в республике, также опирающейся на национальную идеологию — Белорусской Социал-демократической Грамады. Один из руководителей БСДГ, депутат парламента и член комиссии по культуре Е.Цумаров на весенней сессии 1992 г. заявил, что "право журналистов распространять информацию не должно входить в противоречие с правом народа укреплять свой суверенитет и государственность", а затем внес на обсуждение проект постановления "О мерах по использованию информационного пространства Беларуси в интересах укрепления государственного суверенитета и национальной безопасности". В нем, в частности, говорилось: "Признать недопустимым распространение через СМИ РБ материалов, которые направлены на подрыв суверенитета, оскорбляют национальное достоинство народа Беларуси, наносят вред обществу и дезорганизуют деятельность государственных структур. ... Никакая аппаратная реформа существенно не изменит положение, пока не будет дан своеобразный г о с з а к а з с р е д с т в а м м а с с о в о й и н ф о р м а ц и и (выделено мной – О.М.) Беларуси: быть на страже ее интересов и служить народу". Этот проект не обсуждался в парламенте, но получил широкую известность, так как был предан гласности теми самыми газетами демократического направления, которые автор проекта обвинил в нарушении национальных интересов.

Для понимания значения этих двух примеров важно отметить, что БНФ и БСДГ пока что не только не располагают реальной политической властью, но находятся в открытой оппозиции государственным структурам, верхний эшелон которых заполнен, в основном, представителями старой партноменклатуры. Нетрудно представить образ и результаты их действий в случае прихода к власти. Во всяком случае, большая часть новых социальных субъектов-учредителей периодических изданий хорошо это представляет. Об этом, в частности, красноречиво говорит отношение новых издателей к языку, на котором они издают свои газеты и журналы. Дело в том, что в условиях глубоко русифицированной культуры, когда абсолютное большинство белорусов говорит и думает на русском языке, первейшим требованием национал-демократов стало возрождение белорусского языка, причем для его реализации они привлекают всю мощь государства, что вполне понятно.

Большая часть новых социальных субъектов предпочитает издавать свою периодику на русском и других языках (польском, английском и др.), чем только на белорусском. Это, разумеется, не свидетельствует об их каком-то враждебном отношении к белорусскому языку. Ориентация на русский язык в данном случае связана с опорой на сложившуюся реальность, со стремлением использовать возможности именно этого языка для завоевания читательского рынка. Но есть, безусловно, и настороженность к идеологии национализма как реальной угрозе формирования гражданского общества. С другой стороны, как видно из диаграммы, старые социальные субъекты-учредители периодических изданий довольно легко адаптируются к белорусизации прессы. Таким образом, национальная демократия начинает действовать по "зеркальному принципу": использовать те же методы, что и тоталитаризм, только как бы с "обратным знаком". Это значит, что многие новые субъекты (прежде всего политики) понимают социальную роль и функции СМИ так же, как и их предшественники из тоталитарной системы.

В чем же дело? Почему немалое число новых политиков, еще недавно в буквальном смысле грудью противостоящих коммунистическому тоталитаризму, оказавшись у власти, по существу воспроизводят прежний алгоритм отношений со СМИ? На мой взгляд, тому прежде всего две причины.

Во-первых, следуя марксистско-ленинской концепции прессы, они понимают СМИ не как "четвертую власть" в обществе, а как инструмент социального управления. К сожалению, многие журналисты обладают таким же пониманием: они ожидают соответствующих указаний сверху и соответствующего восприятия массовой информации снизу. Стабильность данного феномена объясняется не столько психологическими чертами тех или иных политиков, не столько национальным характером того или иного народа, сколько системообразующими признаками тоталитаризма, метастазы которого проникают в зарождающуюся демократию. История уже не раз демонстрировала, что подобный "зеркальный принцип" становится настоящей ловушкой для демократии, так как фундаментальнейшим принципом тоталитаризма является отрицание любых форм социальной жизни, которые существуют в реальной действительности, а не "должны быть". Поэтому социальная деятельность, основывающаяся на подобном отрицании, чревата тоталитаризмом.

Во-вторых, сверхидеей, определяющей деятельность этих новых политиков, является идея Государства, получающая безусловный приоритет над идеей личности и общества. В отличие от российских демократов, сворачивающих с либерально-демократического пути на перекрестке "Государство — Общество", их национально мыслящие белорусские (а также грузинские, латышские и др.) коллеги сворачивают в ту же сторону на перекрестке "Нация — Личность", так как в основе их идеологии лежит сверхидея нации, народа-семьи, объединенной по признаку крови. Но в основе своей — это та же самая идея единого народа, коллективную волю которого выражает сильное государство, та же идея, с коммунистическим воплощением которой еще вчера так страстно боролись многие демократы.

Именно об этой опасности, подстерегающей демократию, писал Нобелевский лауреат Ф.Хайек в своей последней работе "Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма", показывая, что принцип десубъективации общества воплощается в "подчинении единым целям посредством каких-либо центральных органов", в "интерпретации общества как персонифицированного индивидуального организма, которому можно приписывать волю, намерения или сознательный замысел". Свернув с либерально-демократического пути, национал-демократы, образно говоря, попадают в "компанию" тех, к кому еще недавно были в непримиримой оппозиции. Так, нынешний министр информации Беларуси А.Бутевич, совсем недавно курировавший вопросы культуры в качестве зам. зав. идеологического отдела ЦК КПБ, заявил в парламенте, излагая концепцию государственного телерадиовещания: "Трэба на грунце народных традыцый і багатай класікі фарміраваць густы, дапамагаць людзям стаць патрыятычна і нацыянальна свядомымі". Таким образом, круг замыкается: тоталитарная модель массовой коммуникации, сформированная на основе коммунистической идеологии, соединяется с тоталитарной моделью, формируемой на основе идеологии национализма.

Язык периодических изданий старых и новых субъектов

* Публикуемая статья представляет собой часть работы, выполненной в рамках исследовательского проекта НИСЭПИ "Средства массовой информации в переходном обществе".

ИЛЬЯ ЛЕВЯШ, профессор

ЯЩИК ПАНДОРЫ ДЛЯ ЕВРОПЫ

ЗАМЕТКИ, НАВЕЯННЫЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ В ЛОДЗИ

В наш просвещенный век Европа (по крайней мере Центральная и Восточная) переживает второе средневековье. С неотвратимостью рока ее посещает призрак Пандоры. XX век еще не завершился, а она уже успела извлечь из своего ящика двух чудовищ — нацизм и интер-коммунизм. Но их тени по-прежнему бродят по Европе. Поражение третьего рейха и распад советской империи не добавляют уверенности в необратимости истории. Гегелевский "мировой разум" явно в отставке, зато в фаворе снова фрейдовское "сверх-Я" и даже ницшеанский "сверхчеловек". Их миссию на сей раз выполняет НАЦИЯ. Народы охвачены жаждой национальной идентичности. По Солженицыну, они готовы терпеть все, "а только бы кто не посягнул обидеть, затронуть нашу нацию". Каждая из них озабочена риторическим вопросом: "Кому на Руси (да и не только на ней) жить лучше". Властитель дум — национализм.

Эта проблема обсуждалась 16 — 18 сентября 1992 г. на международной конференции "Национализм в Европе" в Лодзи. Если не все, то многие "флаги" были там — из Германии, Франции, Польши, Чехословакии, России, Украины, Беларуси и Израиля. Дискуссия проходила под знаком известной формулы: "Кто мы, откуда мы, куда мы?" В контексте форума это означало: "Что есть национализм? Почему он стал знамением конца нашего столетия? Куда он ведет?".

Интересную версию выдвинул доктор наук Сергей Носов из Петербурга. Он определил национализм как инфантилизм, "разновидность поэтического сознания, род поэзии, активно вторгающейся в жизнь. Но есть запретные области, где должен(!) править разум и здравый смысл". Иными словами, национализм — детство рода человеческого, дитя, не ведающее, что творит, и он не "должен" вторгаться в "запретную область" — политику, как ребенок — играть спичками.

Увы, не "должен" не значит не "есть". Политика — сфера не должного а сущего, "искусство возможного", и отрицать фундаментальную роль национализма в современной политике невозможно. Классы, партии — преходящи. Последние — вообще более или менее "калифы на час". Нации же — самый массовидный и доступный инвариант связи конкретного человека с родовым человеком, их притяжения и отталкивания. Ни один из компонентов социума не может соперничать с нацией по масштабу и синергетическому эффекту. Это — лава, которая восходит к своему пику — национальной идее и исходит через кратер национальных революций. Нации выходят на авансцену в обстановке крупных нарушений баланса геополитических сил, их перегруппировки, появления новых субъектов исторического действия, адресованного иным этнокультурным субъектам.

Тем не менее нация не самодостаточна. Ее активизация — результат кризиса не способа производства общественного богатства и распределения власти, а его конкретно-исторической формы. Наше время — эпоха краха отнюдь не социалистического способа производства (достаточно эфемерного), и интеркоммунистического варианта индустриального общества, обусловленного грубым и нивелирующим характером механических производительных сил и исторической — этатистской — традицией. В Центральной и Восточной Европе разложение этой формы и переход к постиндустриальному строю не приведет к "капитализации". Независимо от воли либеральных западников, евроазиатский гигант никогда не будет полностью интегрирован в Европу и в новой, "просвещенной" форме вернется к этатистской модели общественной организации. Нынешнее нарушение равновесия в пользу "Панамерикана", в конечном счете, будет компенсировано новым балансом мировых сил.

Вокруг этих решающих процессов происходит формирование и перегруппировка новых структур и отношений между "действующими лицами". Личность гибнет под копытом Петрова коня или становится исчезающе малой величиной. Классы и партии явно не "дотягивают" до ответа на новый исторический вызов. А человечество... Твердят о "цивилизованности" (не о культуре, заметьте!), подают сирым, но не забывают напомнить, что у них нет союзников и противников, зато есть постоянные "интересы" — стрижка купонов и газонов. Человечество не дозрело до универсального радения о каждом — малом и большом — чаде своем. И чем меньше это чадо, чем больше обид наносит ему "старший" — восточный или западный (какая разница) — "брат", требуя признания своего явного или ползучего шовинизма или расизма, тем охотнее человек ищет убежища в национальной нише, тем активнее зреют там "гроздья гнева" против наций-триумфаторов.

Естественно и понятно стремление наций-рабов быть на равных с нациями-господами: называть своих детей своими, а не заемными именами; есть не краюху хлеба, отнятого силой или лукавством, а свой, политый потом каравай; ступать не по выкроенной политическими ножницами, а по своей исконной земле; поклоняться не казенным истуканам, а родным, неоскверненным могилам; не по единому паспорту, а по единой совести ладить с иноплеменниками на земле общих предков; быть не в "холодном" или "горячем", а в нормальном состоянии диалога с миром. Стать настоящим русским, писал белорус Федор Достоевский, значит стать братом всех людей. Национализм, исходящий из таких ценностей и ориентиров, — нормален, конструктивен, человечен. Он — свобода, потому что его граница — свобода иноплеменников. Он — самоценность, как грань универсального кристалла всечеловеческой культуры.

Но национальная идея тяготеет не только к такой свободе. Рабский комплекс неполноценности, длительное пребывание в отчужденном состоянии пробуждает демонов зависти и реванша: "Кто был ничем, тот станет всем". На лодзинской конференции эта ипостась национализма была представлена одним из идеологов организации ДСУ ("Державна самостійність України"), редактором газеты "Нескорена Україна", органа УПА (Украинской повстанческой армии), Романом Ковалем. Воспроизвести его доклад целиком невозможно. Но и дайджест впечатляет: "Государственная нация — существительное истории... Приоритет прав нации и государства над правами личности... Понятие "противник" — одно из центральных в нашей философии. Противник и ненависть к нему — сильный интегрирующий фактор... Если нация теряет образ врага, она дезориентируется... Неспособность к враждебности может закончиться катастрофой для нации... Мы исповедуем культ силы — духовной, физической, экономической и военной, ибо знаем, что "сила — это все"... Научимся диктовать... Нам нужна великая Украина. Мы — не просто государственники, мы великодержавники... Украина — сверхдержава с огромным человеческим потенциалом... не может скрывать от мира свою волю".

Р.Коваль любезно передал автору этих строк свою последнюю брошюру "С кем и против кого?" (без выходных данных, подпольную, стало быть). Ее резюме: "Политическая философия ДСУ — нациократичная. Объединение стремится к строительству нациократического государства, источником власти которого будет УКРАИНСКАЯ НАЦИЯ... Под нацией мы понимаем этнос, который получил собственную государственность, этнос, который имеет власть над собой и национальными меньшинствами. Понятия "нация" и "государство" для нас неотделимы.

ВОЛЯ, ВЛАСТЬ И ВЕЛИЧИЕ НАЦИИ — трином нашей политической философии... Нация стремится к расширению своего влияния, своих властных императивов вовне. Полноценной национальной идее тесно в границах собственного государства, она экспансионистски выходит за границы внутренних национальных проблем. Ей свойственны мессианские порывы. Нация стремится свои ценности, свое понимание мира сделать достоянием других наций, чтобы сеять свое зерно на иногосударственной почве. Каждая развитая нация стремится создать цивилизацию, включив другие нации в сферу своего влияния, в свое социокультурное поле. Великая нация... способна учить мир... Украина должна стать милитаристской и остаться ядерной...

XXI век станет веком нациократических революций. Западная цивилизация, которая основывается на либерально-демократических, фактически трансформированных иудейских ценностях, исчерпала свой творческий потенциал. К катастрофе движется российская цивилизация... Солнце XXI века, которое восходит над Украиной, возвестит миру великий нациократичный ренессанс".

Почему-то авторам подобных текстов кажется, что солнце восходит непременно только над ними и для них. Риторический вопрос, узнаваемы ли они. Скорее идентичны, если "тысячелетний рейх" заменить "великой Украиной". Перед нами — действительно "поэзия", особенно последний рефрен этого манифеста. Он наглядно воспроизведен газетой "Нескорена Україна" (№ 5, 1992). Ее символ — украинский трезуб, разливающий сияние по всему евроазиатскому континенту — от Лондона до Владивостока. Такое вот "социокультурное поле", на котором новые культуртрегеры полны решимости сеять вечное проклятие джунглей — "сила — это все". Одна из участниц конференции, коллега из Германии, бледная от волнения, заметила: "Мне страшно... Мы не хотим быть великими, мы хотим ПРОСТО ЖИТЬ". В устах представителя другой страны эта реплика прозвучала бы менее убедительно.

Бессилие страха — не исход из пещеры, а лишь условие втягивания мира в нее ("нациократические революции"). В принципе стоит разделить невысокое мнение Р.Коваля о политическом либерализме, но в другом смысле, как констатацию импотенции либеральных политических институтов перед нациофашизмом. Но напрасно он пишет о "либерально-демократических ценностях" как о чем-то целостном, через дефис. Во имя абстрактной свободы либеральные институты допускают фашизм, и отсюда его снисходительное отношение к такому "приятному во всех отношениях" противнику. Реальная демократия отсекает фашизм по принципу: "Никакой свободы врагам свободы".

Только демократия может противопоставить нациократии реальную альтернативу, к примеру, обращение "К гражданам Украины всех национальностей" ВС этой республики: "На нашей территории проживают 110 национальностей. Вместе они составляют 52-х миллионный народ Украины". В законе "О национальных меньшинствах Украины" подчеркивается "неразрывность прав человека и прав национальностей". Но если суверенная Украина допустит вирус нациократии, этими декларациями будут поджигать новый рейхстаг.

Что делать? В духе русской традиции так назвал свою брошюру 1990 г. Гавриил Попов. В ней шла речь о необходимости "русской демократической программы". Позднее, в статье в "Мегаполис-экспресс" (15.07.1992) он писал, что "все, кто этой проблемой не интересуется, вообще не имеют политического будущего в России. Всерьез можно рассматривать только тех, кого эта проблема волнует". Если бы второй вывод был завершением первого! В действительности же последний из них относится не к нормальному требованию "русской демократической программы", а к "главной задаче России" — "сохранить себя как великую державу".

У меня нет аллергии на величие России или Польши, Украины или Израиля. Но если народ обнищал и брат идет на брата, а политики твердят о величии, значит Храм снова тщатся строить не с фундамента, а с крыши. Величие — не антипод жизни, хотя и не пик ее. Впрочем, оно — вершина для тех, кто еще инфантильно обращен вовне, но уже выяснил, кому же на Руси жить все-таки лучше. Для других людей главное — внутренний мир, величественный и жуткий космос личности, ее ценностей, потрясений и прозрений. Их лейтмотив, вероятно, в следующем: чтобы быть и — что гораздо важнее! — остаться великими, надо научиться просто жить.

Подлинное величие выше самооценок. Но оно всегда на уровне объективных оценок. Решающая из них сегодня: тектонические разломы и сдвиги в триаде "личность — нация — человечество" угрожают крахом всему Храму, включая самые "возвышенные" его этажи. Таков третий сюрприз Пандоры. Он может стать последним, если демократия отдаст национализм на откуп нациократам, не сможет рекультивировать его.

Наличные варианты "старой, доброй" демократии на Западе и посткоммунистической — на Востоке не способны пройти этот путь до конца. Такова плата за флирт с политическим либерализмом. Альтернатива в солидарной демократии с ее ведущими ценностями — принципиальным антимессианизмом, толерантностью, неспособностью "младших братьев бить по голове". В таком обновленном социуме национализм утратит свой агрессивный потенциал, и национальный человек обретет себя в естественной этнокультурной и всечеловеческой общности.

Лодзь — Минск

ФОРУМ

ЕВГЕНИЙ ТОЛКАЧЕВ,
доктор физико–математических наук, главный научный сотрудник Института физики Академии наук Беларуси
ЛЕВ ТОМИЛЬЧИК,
член–корреспондент Академии наук Беларуси, заведующий лабораторией Института физики

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА — ЛИЦО ЦИВИЛИЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА

Писать о науке было непросто всегда. Сегодня, на фоне резкого обострения экономических, политических и социальных проблем — вдвойне. Но все-таки мы в очередной раз обращаемся к этой теме, поскольку твердо убеждены, что без осознания обществом именно в нынешней кризисной ситуации роли и места науки, особенно фундаментальной, невозможен его реальный прогресс не только в материальной, но и в духовной и культурной сферах. Более того, если процесс, который пошел в науке, не перевести в конструктивное русло, то понадобятся десятилетия на восстановление утраченных позиций, если вообще это окажется возможным. Причем последнее утверждение не следует воспринимать как излишне эмоциональный оборот или преднамеренное сгущение красок. Действительность такова, что ученые сегодня находятся под тяжелейшим экономическим, социальным и моральным давлением.

Так, ставка доктора наук, заведующего лабораторией либо главного научного сотрудника АНБ даже после сентябрьского увеличения в 1,5 раза составляет 7,5 тыс.рублей (у научных сотрудников — кандидатов наук она в среднем в полтора раза меньше). Но и эту зарплату выплачивают полностью далеко не всегда и не всем работающим, поскольку бюджетное финансирование Академии наук не покрывает и половины необходимой суммы. Сюда же следует добавить, что "железный занавес", некогда ограничивавший чисто административным путем международные контакты, жизненно необходимые для нормального развития науки, сегодня превратился в "золотой". Из-за отсутствия валюты прекращается подписка на ведущие зарубежные и международные научные журналы, непомерно возросшая плата за услуги связи сводит практически на нет широко практиковавшийся ранее обмен информацией с зарубежными коллегами посредством почты и телефона.

Типичной становится ситуация, когда солидный зарубежный научный или учебный центр приглашает белорусского ученого, полностью беря на себя расходы по его пребыванию, но тот вынужден отказываться от поездки, поскольку не имеет средств для оплаты дороги даже в один конец.

В социальной сфере определенные гарантии были связаны с пока еще действующей системой степеней и званий. При всех недостатках она способствовала поддержанию достаточно высокого социального престижа научной деятельности и до сих пор служит серьезным квалификационным барьером, предохраняющим науку от проникновения псевдоученых и карьеристов.

Однако сегодня действующая система аттестации научных кадров находится под угрозой разрушения, испытывая сильное давление со стороны определенных общественных сил. Это прежде всего — парламентские и правительственные чиновники, за чьими поспешными инициативами по радикальной перекройке существующих аттестационных нормативов и институций в действительности стоит не столько стремление наполнить реальным содержанием идею суверенитета, сколько корпоративный интерес.

Подобные проекты находят активную поддержку среди той, довольно многочисленной группы энергичных людей, которые не в состоянии подтвердить обоснованность своих претензий на получение докторской степени или профессорского звания в рамках действующих правил. За всем этим нельзя не увидеть далеко не безобидное для науки стремление максимально расширить круг носителей ученых степеней и званий за счет снижения уровня требований к их соискателям.

Наиболее концентрированное выражение эта тенденция получила в законопроекте "Об ученых степенях и научно–педагогических званиях в Республике Беларусь", предложенном соответствующей комиссией Верховного Совета.

Наконец, в целом достаточно неблагоприятная для науки атмосфера усугубляется еще и тем, что сегодня в обществе активно культивируются антисайентистские настроения. В своем вполне понятном стремлении преодолеть узость насаждавшихся в течение десятилетий мировоззренческих стереотипов средства массовой информации по существу стали развенчивать не столько устаревшие догматы, сколько сам научный метод как таковой. В результате сегодня в сознании обывателя передовые рубежи науки ассоциируются с экстрасенсорикой, парапсихологией, астрологией, уфологией, а не физикой, химией, биологией и т.д., что естественно ведет к девальвации общественной оценки научного труда.

Все эти, во многом внешние, обстоятельства многократно усиливаются, вернее сказать, сложным образом интерферируют с внутренними проблемами науки, которые накопились за долгие годы ее экстенсивного развития. О том, что смена модели должна была произойти, говорилось немало. Но латентный период затянулся почти на 30 лет. Например, сегодняшняя низкая заработная плата научных и педагогических кадров — отнюдь не достижение последнего года. Статистика свидетельствует, что если в 1960 г. максимальный оклад научного работника и преподавателя вуза в 3,5 — 5 раз превышал среднюю зарплату в промышленности, то к концу 1991 года они практически сравнялись. Правда, особенностью Беларуси было то, что уровень оплаты труда ученых был обусловлен не столько экономическими законами, сколько общей для СССР тарифной сеткой. Наша республика, в отличие от Средней Азии или Закавказья, а в определенный период и Прибалтики, не "штамповала" докторов и кандидатов наук для престижа. В результате, при 3,6% населения в 1989 году мы имели 2,9% научных работников, 3,0% — кандидатов и только 2,4% докторов наук, в то время как в республиках Закавказья соответствующие цифры были 5,5%, 4,8%, 5,9%, 6,9% (!). Причем имеющиеся данные позволяют утверждать, что за последние 2 года эти цифры существенно не изменились. В абсолютном выражении Беларусь сегодня имеет 1,28 тыс. докторов (третья часть которых работает в АНБ) и на порядок больше кандидатов наук (в АНБ — 2200). Поэтому появившееся в проекте Закона о научно-технической политике РБ предложение зафиксировать в законодательном порядке нижнюю границу бюджетных ассигнований на науку в размере 3% от всех расходов выглядит вполне обоснованным, тем более, что за 8 месяцев этого года затраты на науку составили всего 1,2%.

Однако простое увеличение расходов на науку в любых разумных пределах не сможет привести к существенному улучшению положения, пока не будет изменена система отношений внутри науки, сформировавшихся в рамках экстенсивной модели. Дело в том, что государственные бюджетные ассигнования предназначаются главным образом для финансирования фундаментальных научных исследований в целом и прикладных — по приоритетным для республики направлениям. Но существующая система управления наукой, структура научных организаций на макро- и микроуровнях, да и стереотипы сознания значительной части ученых объективно работают на продолжение существования старой модели, экономической основой которой были прикладные работы по заказам ВПК. Соответствующее финансирование в отдельных Институтах Академии в несколько раз превышало размер бюджетного. Важно подчеркнуть, что эти пропорции часто создавались искусственно и не отражали истинного соотношения между объемами фундаментальных и прикладных исследований. Просто бюджетные ассигнования волевым образом перераспределялись в пользу тех институтов, которые в силу своей специфики не могли, а некоторые просто не хотели (отнюдь не из пацифистских убеждений) зарабатывать деньги через ВПК. Кроме того, всячески поощрялась деятельность, направленная на получение экономического эффекта. И хотя он, как правило, существовал только на бумаге, на это закрывали глаза, поскольку для одних наличие такого "эффекта" подтверждало тезис о том, что "наука становится непосредственной производительной силой", а другим позволяло получать дополнительные деньги, в том числе и на развитие фундаментальной науки. Здесь следует сказать прямо, что большинство экспериментальных установок просто не могло быть создано в рамках куцых бюджетных ассигнований и при существовавшей крайне неповоротливой системе материально-технического снабжения без опоры на хоздоговорные программы. Все это приводило к "обрастанию" ведущих институтов собственными конструкторскими бюро и опытными производствами, появлению значительной прослойки научных сотрудников, а иногда и целых подразделений, которые собственно наукой практически не занимались, но формально выступали как исполнители фундаментальных программ, что позволяло "пробивать" дополнительные бюджетные средства. Тотальная конверсия и развал Союза удалили из этой системы экономический стержень, но рожденные ею структуры и отношения остались. В частности, большинство бывших организаторов экономического эффекта предпочитают сегодня вести "денежные" работы, используя многочисленные коммерческие структуры, не отказываясь при этом, от "своей" доли бюджета на науку.

Единственный способ разорвать этот замкнутый круг состоит в последовательном пересмотре финансовой и научно–организационной политики Академии с тем, чтобы создать систему гарантированной поддержки фундаментальной науки, ради чего, собственно, Академия в первую очередь и существует. Сегодня же, несмотря на определенные положительные сдвиги: недавнее принятие более демократичного устава, избрание нового руководства, реорганизацию Президиума (в основном, правда, косметическую) и ряда институтов, Академия существенно отстает в своем умении организовать взаимодействие с законодательными и исполнительными властями, в выдвижении инициатив республиканского уровня. Более того, положение многих научных групп в Институтах АНБ было бы, мягко говоря, плачевным, если бы не поддержка Фонда фундаментальных исследований РБ, учрежденного опять–таки не по инициативе Академии. Кстати говоря, именно Фонд на сегодня демонстрирует пример того, как в нынешних условиях должны распределяться деньги на фундаментальную науку. Следует лишь отметить, что деятельность Фонда была бы более эффективной, если бы, наряду с конкурсом проектов, существовал, как это принято во всем мире, конкурс личностей.

Мировая практика показывает, что здесь использование известных количественных показателей деятельности ученого, таких как индекс цитирования, наличие запросов на его научные статьи, число работ, публикуемых в престижных рецензируемых изданиях и т.п., может успешно служить целям не только конкурсного отбора заявок, но и контроля за их последующим выполнением. Заимствовать этот опыт особенно целесообразно именно в наших нынешних условиях, когда на фоне общего резкого снижения выхода научной продукции в академических НИИ устойчиво генерируют ее лишь те исследовательские группы, которые продолжают работать именно в области фундаментальной науки.

Наконец, судьба фундаментальной науки в республике в значительной мере зависит от того, насколько быстро будут преодолены межведомственные барьеры, особенно между наукой и образованием. О том, что должное понимание этой проблемы отсутствует на законодательном уровне говорит раздельное рассмотрение в Верховном Совете законов об образовании и научно-технической политике.

Если мы всерьез думаем о двухступенчатой системе высшего образования, подготовке полноценных магистров и заботимся о притоке в науку наиболее одаренной молодежи, то следует отчетливо представлять себе, что это невозможно осуществить без значительного снижения педагогической нагрузки для преподавателей второй ступени, резкого увеличения числа спецкурсов и перехода на систему индивидуальной подготовки. Для этого совершенно необходимо более широкое и целенаправленное, чем это делается сейчас, привлечение кадров из науки, что кстати не потребует сколько-нибудь значительных дополнительных капиталовложений. Одним из серьезных и достаточно просто реализуемых проектов на этом пути могло бы стать, в частности, создание в Минске Национального учебно-исследовательского центра по типу Института повышения квалификации. В рамках такого центра можно было бы не только осуществлять эффективную подготовку кадров второй ступени на базе столичного студенческого контингента, где возможности соответствующего выбора наиболее благоприятны, но и "доводить" до уровня магистра лучших студентов периферийных вузов, а также привлекать на контрактной основе научные и преподавательские кадры соответствующего профиля и квалификации из других городов республики, а в случае необходимости — и из-за ее пределов.

Сохранение высокого научного потенциала нашей республики и дальнейшее развитие фундаментальной науки несомненно требует как изменения принципов ее финансирования, так и трансформирования существующих организационных структур. Однако, здесь нужны не радикальные псевдореволюционные новации, а продуманные и взвешенные шаги, осуществляемые с обязательной привязкой к реальным условиям и жестким соблюдением известного принципа "не навреди". Для этого, в частности, необходимо решительно отказаться от такой практики, когда концептуальные вопросы научной политики разрабатываются в недрах бюрократического аппарата без участия и даже без учета мнения профессиональных ученых.

ФОРУМ

ОЛЬГА АБРАМОВА, кандидат философских наук

ПОГОНЯ ЗА МИРАЖОМ

События осени 1992 года в Республике Беларусь свидетельствуют, что необъявленная избирательная кампания уже началась, хотя нет еще официальных решений на этот счет. На политическом рынке толкутся самые разные субъекты, предлагая свой "товар": кто — референдум об оставке ВС РБ в яркой упаковке митингов, сопровождаемых публичными клятвами в верности белорусскому народу и полонезом Огинского, а кто — забастовку работников сферы образования как якобы отличный способ быстро наполнить наши карманы деньгами и вообще решить все наши проблемы.

Когда предыдущие семьдесят четыре года коммунисты держали монополию на власть, они не признавали забастовку как законный способ борьбы наемных работников за свои права. Вспомним хотя бы новочеркасский расстрел рабочих... Сегодня прокоммунистический Координационный комитет, куда вошли и официальные профсоюзы, выступает инициатором забастовки работников народного образования. Его лидеры на словах призывают к гражданскому миру, а на деле организуют в школах и вузах ячейки в поддержку общереспубликанской стачки.

Конечно, ситуация с оплатой труда работников народного образования в республике сложная. Даже после подьема нищих должностных окладов в 1,5 раза мы продолжаем сохранять реальные шансы стать белорусскими долгожителями. В самом деле, отсутствие средств заставляет в первую очередь отказываться от самых дорогостоящих и одновременно самых вредных привычек — употребления алкоголя, табачных изделий, мяса, сахара... От гиподинамии нас спасает беготня в поисках дополнительных заработков.

Я недавно занялась пересчетом своей доцентской зарплаты в основные блага, которые доступны мне сегодня. И получила в деньгах двух–трехлетней давности вместо 320–рублевой заработной платы от 56 до 88 рублей помесячно. В пересчете на доллары или немецкие марки результат выходит еще смешнее.

Доцент столичного вуза Российской империи в 1910 году получал в пересчете на современные ценности и блага такую заработную плату, которая позволяла: а) содержать семью из четырех человек; б) оплачивать полностью меблированную трех–четырехкомнатную квартиру с обязательным кабинетом для ученого; в) абонировать на весь сезон ложу в опере; г) вывозить на летний период всю семью вагоном 1–го класса на воды на Кавказ или на курорт в Крым; д) приобретать необходимую монографическую литературу по специальности. Профессор в дополнение к названным благам мог позволить себе на свою зарплату вывозить семью на лето вагоном 1–го класса на заграничные курорты — в Баден–Баден, Ниццу, Брайтон... За вычетом названных затрат на оставшиеся средства доцент мог за 2 года приобрести автомобиль. Профессору для этого хватило бы и 4–х месяцев.

В настоящее время специалист квалификации, соответствующей званию доцента, получает в западных вузах порядка 40-50 тысяч долларов в год. Во многих развивающихся странах ставки еще выше. Это говорит о высоком статусе преподавательского труда и соответствующей оценке его обществом.

Как видим, проблема со справедливой оплатой труда работников образования в республике есть, и достаточно острая. В то же время известно, что в настоящий момент в бюджете для ее полноценного решения нет достаточных средств. Повышение заработной платы этой категории работников может идти либо за счет массовых сокращений в нашей собственной сфере, либо за счет допечатывания не обеспеченных товарами "зайчиков".

Инициаторы забастовки в погоне за голосами избирателей-бюджетников не желают понимать, что забастовки — крайнее средство борьбы наемных работников, неизбежно повышающее конфликтность и напряженность в обществе. Мне могут возразить, что апрельские забастовки рабочих в прошлом году привели к удовлетворению их экономических требований. Да, привели, но за счет сдерживания роста заработной платы тех же бюджетников, сокращения различных социальных программ. Здесь сработал групповой эгоизм, когда бастующие думают только о себе. И кто знает, скольких иностранных инвестиций в белорусскую экономику мы не досчитались из-за тех апрельских дней, потому что уровень конфликтности в обществе — один из параметров оценки перспективности вложения капиталов.

Забастовка работников образования вполне может стать детонатором целой серии забастовок и митингов других категорий граждан, прелюдией к социальному взрыву. Не всегда власти в условиях кризиса будут уступать требованиям бастующих. Множественные выступления при некоторых условиях можно квалифицировать как "массовые беспорядки" и ввести чрезвычайное положение в полном соответствии с законом. Механизм для этого уже есть — Антикризисный комитет. И тогда — конец надеждам на рыночные реформы и демократизацию общества. Наконец, финансовые проблемы народного образования не сводятся только к нищенской заработной плате его работников. Нуждается в дотациях материальное обеспечение процесса обучения, соответствующее современному уровню развития техники и технологий. Решению этой проблемы способствовали бы существенное снижение налогообложения предпринимателей, жертвующих на нужды образования, наделение учебных заведений правом собственности на учебные здания и землю, на которой они расположены.

Среди "больных вопросов" есть также проблема уродливо проходящей коммерциализации образования, когда доступ к образованию высшего качества получают только дети из состоятельных семей. Начисто лишаются его талантливые дети из малообеспеченных семей, к которым относятся сегодня прежде всего семьи интеллигенции. Эти вопросы должны решаться через государственную систему поддержки способных учащихся.

Как решить проблему повышения уровня жизни бюджетников? Представим себе, что каким-то образом популистские экономические требования Координационного комитета будут удовлетворены. Тогда материальное положение бюджетников улучшится на пару-тройку месяцев. В условиях спада производства, отсутствия структурных реформ и рыночных законов, сохранения прежней командной системы управления и монополизма производителей формальное приращение заработной платы быстро превратится в мираж, вызовет новый резкий рост цен. По сравнению с днем сегодняшним уровень жизни бюджетников, возможно, еще и снизится.

Тактическое решение предложил Г.Явлинский. По его мнению, при формировании государственного бюджета на очередной финансовый год следует пересмотреть статьи экономии и создать целевые резервные фонды для поддержки бюджетников.

Стратегическое, перспективное решение проблемы — в политической консолидации граждан с "рыночной ориентацией" и политических действиях, а не в экономической борьбе. Лозунг "Высокую оплату — за квалифицированный труд" можно провести в жизнь только в эффективно работающей экономике.

САХАРОВСКИЙ КОЛЛЕДЖ В МИНСКЕ

Третьего ноября приступили к занятиям первые 60 студентов Международного Сахаровского колледжа по радиоэкологии в Минске. Планировалось, что их будет несколько больше, но приемная комиссия не стала форсировать "выполнение плана". Впрочем, и за поступившими места на предстоящие три года обучения не забронированы — все будет зависеть от их воли и способностей. Времена "железной чашки риса" проходят.

Сегодня сообщением об открытии нового учебного заведения трудно удивить. Mass media пестрят рекламой всевозможных "международных институтов менежмента", "академий управления" и "открытых университетов", обещающих своим питомцам немое обожание кадровиков от Хельсинки до Иокогамы. Но ректор колледжа А.М.Люцко, гарантируя выпускникам международно признанные дипломы, обеспеченные подлинными знаниями, действительно убежден, что и в сегодняшних условиях возможно готовить настоящих профессионалов, если отойти от порочных принципов советской системы образования. "Посполитый" обыватель, как правило, глубоко убежден в том, что на работу или учебу можно устроиться либо "по звонку", либо с учетом социального происхождения или тягот сурового детства, в крайнем случае — благодаря толщине бумажника. Прием в Сахаровский колледж основан на более или менее объективной системе тестов, в том числе определении коэффициента интеллекта и уровня знания иностранных языков. Последним — особенное внимание, так как предполагается, что многие курсы будут читаться ведущими зарубежными специалистами (в числе которых два Нобелевских лауреата).

Так что колледж обоснованно назван международным — имеется в виду не только обучение студентов из "ближнего зарубежья", но и широкое представительство "дальнего" в попечительском комитете, в который входят такие авторитеты, как Председатель Президиума Верховного Совета Беларуси С.С.Шушкевич, профессор Гарвардского университета Р.Уилсон, лауреат Нобелевской премии по медицине А.Кормак, другие известные ученые из ФРГ, Великобритании, Японии, США, Египта.

Не случайно присутствие среди них вдовы академика А.Д.Сахарова Елены Боннер. Она дала согласие на использование имени великого гуманиста в надежде, что выпускников МСКР будет отличать не только высокий профессионализм, но и человечность. Ради этого немалая часть и без того насыщенной программы обучения отдана гуманитарным дисциплинам.

Кроме обучения собственных студентов, задача МСКР заключается в создании сети учебно-консультационных центров на пострадавших от Чернобыльской катастрофы территориях (в настоящее время создаются три таких центра — в Гомеле, Стрешине и Могилеве), в которых будет прежде всего вестись подготовка учителей средних школ, призванных научить детей элементарным навыкам радиационной гигиены. Введение этого курса в школьную программу в 1989 г. не было должным образом подготовлено, и его зачастую преподают случайные люди.

Естественно, что колледж является одним из центров комплексного исследования проблем ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Одна из главных его функций — распространение информации, в том числе популярной, о реальной степени риска и способах ее уменьшения. Уже готовы макеты первых в мире учебников на трех языках для младших школьников, доступно, при помощи комиксов, освещающих серьезные вопросы.

В планах МСКР — создание собственного издательского центра. Независимость — это один из главных принципов деятельности колледжа, и она обеспечивается не только авторитетом членов попечительского комитета, но и прямой материальной поддержкой заинтересованных международных организаций — Фонда Сороса, Мирового банка, Центрально-европейского университета.

Будем надеяться, что сделан еще один шаг к возвращению Беларуси в лоно цивилизации, и время на часах нашей отчизны еще на несколько минут приблизилось к европейскому.

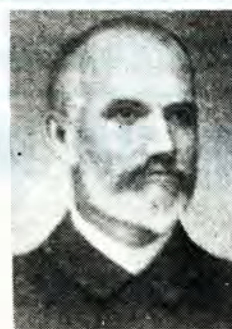
Наша справка: МСКР создан приказом по министерству высшего образования Беларуси в январе с.г. В его штате 50 сотрудников. Обучение планируется вести по трем специализациям: радиационная физика и химия, радиационная экология и агробиология, радиационная биология и медицина. Плата за первый семестр составляет 7,5 тыс.руб., но 20% лучших студентов освобождены от уплаты, а половина из них будет получать стипендию.

Алесь Белый

ESSAI

Иван Бодуэн де Куртенэ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК В АВТОНОМИИ

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845 — 1929), русско-польский языковед, вошел в историю мировой лингвистики как автор теории фонем и фонетических чередований, связанной со строгим разграничением процесса исторического развития языка и его состояния на определенном этапе эволюции. Профессор российских, польских университетов, Бодуэн де Куртенэ особое внимание уделял исследованию славянских языков; он переиздал "Толковый словарь" Вл.Даля. Вместе с тем он не был чисто кабинетным ученым. Научные занятия позволили ему "заглянуть" в душу многих народов Российской империи. Бодуэн де Куртенэ получил известность как защитник попираемых властью прав "малых" народов. За опубликованную в 1913 г. брошюру "Национальный и территориальный признак в автономии" его, европейски известного ученого, профессора Петербургского университета, посадили в Петропавловскую крепость. Публикуемые нами отрывки из этой работы говорят о том, что ученый многое понимал и предвидел в истории России, он предупреждал о катастрофе, которой грозит пренебрежение к национальным проблемам. Сегодня мы можем сказать себе: многое из печальных пророчеств Бодуэна де Куртенэ сбывается на наших глазах.

* * *

Для восприятия каких бы то ни было идей необходима добрая воля и соответственная подготовка умственной почвы. Кто просто не хочет слышать об этих идеях, относясь к ним a priori отрицательно, с фанатическим нетерпением и презрением, в чьей голове нет предварительной подготовки и логического настроения, или же кто стоит на принципиально другой точке зрения, к тому не стоит обращаться. Всякая попытка убеждать таких людей окажется гласом вопиющего в пустыне.

Так вот и я в данном случае рассчитываю только на людей более или менее близких мне в умственном отношении и придерживающихся тех же общих принципов. Я обращаюсь к читателю не с предубеждением, даже не с убеждением, а просто только с разъяснением.

Я пишу не для тех, кто всецело поддается междуплеменному, междунациональному и междувероисповедному импрессионизму и не может преодолеть привитого ему отвращения к другим людям, а только для тех, у кого, может быть, и сохранились еще остатки отвращений и предрассудков, но кто все-таки сумел их подавить и кто в практической жизни повинуется общим принципам, а не преходящим впечатлениям.

Я пишу не для тех, кто убежден в непременном превосходстве известного, своего или чужого, племени, своего или чужого класса, и в его праве господствовать над другими, а для тех, кто хотя и видит преходящее превосходство известного племени или известного класса общества, не делает его однако же исходной точкой для заключений о праве на вечное господство.

Наконец, я пишу не для тех, кто разделяет население страны на хозяев, имеющих право командовать, и на гостей, обязанных повиноваться команде, а только для тех, кто никакого командования не признает, а всех жителей страны считает в одинаковой мере и хозяевами и гостями. Все хозяева до тех пор, пока они живы. Все вместе с тем гости, так как хозяйничанье преходяще и кончается со смертью.

В области национальности, без субъективного сознательного самоопределения каждого лица в отдельности никто не имеет права причислять его туда или сюда. Здесь уже нельзя смотреть на людей как на овец или как на рабов. А даже и настоящего раба мы не могли бы причислить к известной национальности, если бы он сам себя туда не причислил. Мы могли бы внести его в инвентарь движимой собственности того или другого лица, или той или другой общественной группы, но, ставя вопрос об его национальности, мы делаем его самоопределяющимся человеком и, когда мы обращается к нему с подобным вопросом, он в эту минуту перестает быть рабом и становится свободным человеком.

Объективные приметы отдельных людей, как индивидов из породы homo sapiens, сами по себе, а субъективные наклонности и симпатии и сознательный выбор принадлежности сами по себе.

Даже владея очень хорошо языком известного народа и принадлежа к нему по рождению, можно однако же, по тем или другим причинам, выйти из его состава, и наоборот, плохое знание известного языка не мешает сознательному причислению себя к народу, пользующемуся этим языком, как органом национального объединения. Вопрос о национальной принадлежности решается каждым сознательным поляком, каждым сознательным евреем и каждым сознательным человеком в отдельности.

Человек, не доразвившийся еще до понятия "национальности" и, стало быть, не будучи в состоянии определить свою национальность, не может быть причислен ни к какой национальности. Он только с чисто объективной точки зрения, принадлежит к тому или другому племени или народу; причисление же его к "национальности" будет ложью и насилием.

При сознательном отношении к вопросу о национальности и о других культурных группировках можно свободно принадлежать не только к одной такой культурной группе, но даже к нескольким разнообразным культурным группам, или же не принадлежать ни к одной из них. Другими словами: вполне возможна сознательная (или полусознательная и даже бессознательная, но могущая быть осознанной) принадлежность к двум или более национальностям, или же полная безнациональность, точнее, вненациональность, наподобие безвероисповедности или вневероисповедности.

Можно быть безвероисповедным и беспартийным; но принадлежать одновременно к двум или более вероисповеданиям или же к двум или более исключающим друг друга партиям навряд ли возможно. Другое дело национальности, конечно, национальности не наступательные, не воинствующие, а исключительно культурные. Как возможно в одной и той же голове совмещение двух и более языков, точно так же возможно в ней сознание принадлежности к двум или более национальностям.

Если бы не осложнения политической, вероисповедальной, сословной или классовой борьбой и враждой, никому не казалась бы странной одновременная принадлежность, например, к польской и еврейской национальности, к национальности польской и литовской, украинской и еврейской, украинской, польской и еврейской, украинской и русской (великорусской), грузинской и русской и т.д., и даже к национальности польской и немецкой, польской и русской и т.п.

Из предшествующего видно, до какой степени никуда не годными следует признать данные заурядной статистики народонаселения. Эта злополучная статистика смешивает объективные признаки с субъективным самоопределением, родной язык с национальностью, допускает возможность только одного разговорного языка, навязывает человеку ту или другую национальность, то или другое вероисповедание.

Для того, чтобы статистика народонаселения приносила действительную пользу как для науки, так и для соображений практической политики, она должна строго различать объективные признаки от признаков субъективных. Но такая статистика возможна только в свободной и действительно культурной стране, а сделаться таковою России еще долго не придется.

По части признаков объективных настоящей статистике следует ставить вопрос не о том, какой язык данный индивид считает своим родным, — многие это скрывают или же не умеют сформулировать ответ, — о том, на каких языках он говорит и в каком порядке им выучивался.

Субъективными признаками научная статистика должна считать сознательную принадлежность к той или другой национальности, или принадлежность к более чем одной национальностям, или же полную вненациональность; затем принадлежность к известному вероисповеданию, или же безвероисповедность; принадлежность к той или другой "партии", или же беспартийность. Все эти вопросы весьма щекотливые и не каждый решится ответить на них по совести. Одни могут бояться, другие не прочь похвастать. Поэтому лучше эту графу оставлять пока незаполненной, дожидаясь лучших времен, т.е. политического и нравственного возрождения России.

Желание навязывать другим свою национальность и ассимилировать себе иноплеменников присуще всем человеческим стадам. Болезненное же напряжение этого стремления, замечаемое не только в современной России, но и в других странах, вполне понятно ввиду предшествовавшего и все еще продолжающегося гонения известных национальностей и вероисповеданий. Когда людям воспрещают говорить на их родном языке, когда упраздняют их письменность, даже их алфавит, то, понятно, в этих людях развивается гиперэстезия национального чувства, и они, как только освобождаются от нелепых стеснений и получают возможность национального развития, проявляют вместе с тем наклонность к захвату и к выходу за пределы справедливости.

Теперь у нас другой лозунг, лозунг демократический, дающий право гражданства и самоопределемости всем без исключения политически сознательным жителям страны. "Исторические права" Польши сталкиваются с "историческими же правами" Литвы, Украины и т.д. Вообще можно сказать, что так называемые "исторические права" являются просто правами насилия, совершенного в прошлом.

"Историческими правами" можно оправдать любой захват, всякое беззаконие, всякую жестокость и несправедливость. Последние захваты и завоевания, создавшие современную Россию, являются тоже "историческим" фактом и "историческим правом". "Историческое право" современной самодержавной и централизованной России не мирится с мыслью об автономизации этого государства.

Так может быть, вместо "исторических прав" мы выдвинем на первый план "права этнографические" и зачаточно-национальные, т.е. постараемся образовать автономные области для отдельных народностей, считая главным признаком народности ее родной язык?

К сожалению, за исключением разве некоторых чисто великорусских областей, да и то только до поры до времени, такая национально-территориальная автономизация Российского государства в тесном смысле этого слова совершенно неосуществима.

Разве можно создать чистые национально-территориальные автономные области из Польши и Литвы, из Прибалтийского края, или же из Латвии и Эстонии, из Белоруссии, из Закавказья или же из его частей: западной (Грузии) и восточной? Да и зачем создавать непременно чистые национально-территориальные области? Неужели люди различных национальностей могут жить в одной области только по образцу кошки с собакой?

Требование непременно этнографического и национального основания для автономии приводит к абсурду и говорит против автономии. Тогда уж лучше отказаться от всяких автономий и оставить одну неделимую Россию, с преобладанием в ней самодержавной великорусской национальности и с подданными ей другими национальностями, до тех пор, пока это государственное чудовище не развалится от собственной тяжести.

ESSAI

Во главе человеческих прав я ставлю, с одной стороны, права человеческого достоинства и права свободной самоопределяющейся человеческой личности, с другой же стороны, права экономического благосостояния и мирного сожительства всех обитателей как всего государства, так и его отдельных частей.

Затем, схоластические и кровожадные "исторические права" я заменяю правами данного исторического момента, т.е. правами настроения и стремления жителей административно определенной области.

Вместо же "этнографических прав" я предлагаю принимать во внимание общий этнографический облик данной территории.

Так, например, я считаю весьма отрадным явлением, что в Белоруссии, благодаря ее своеобразному этнографическому облику и историческому прошлому, развился местный патриотизм, так сказать, сциентическая любовь к родному краю, проявляемая одинаково местными жителями разных национальностей: и настоящими белорусами, и велокороссами, и поляками, и евреями. Эта белорусская децентрализация культурных стремлений ничуть не мешает противоположному течению, течению в сторону объединения с общерусскими культурными стремлениями.

Такой общий своеобразный этнографический облик свойственен тоже более или менее: литовским губерниям, украинской (малороссийской) области, всей вместе или же по частям, Прибалтийскому краю, всему или же в двух частях, Закавказью, всему или же тоже по частям, и т.д.

По мнению некоторых лиц, России необходимо со временем перейти в федеративное устройство; иначе она попадет в окончательную анархию и погибнет как единое государство. Быть может, что думающие таким образом ошибаются и что правы те, кто стоит за возможную административную и политическую неделимость этого чудовищного целого. Кто из них прав, покажет беспощадная критика со стороны будущих исторических событий.

Имея в виду генезис исторически сложившихся федераций, несколько странно говорить о федерализации России. Ведь при настоящей "федерации" сплачиваются воедино, объединяются прежде разрозненные области, жившие совершенно отдельной политической жизнью. Здесь же мы видим перед собой образовавшееся путем завоевания и обезличивания присоединяемых областей централизованное целое, и ждем его превращения в федерацию областей.

Для этого необходимо одно из двух: или Россия, благодаря одолевшим ее разъединительным (центробежным) силам, распадется на отдельные части, которые затем, ради общей пользы, будут искать федеративного сближения друг с другом; или же понимание пользы федеративного устройства проникнет в умы сознательного населения, которое и добьется этого устройства законодательным порядком. И до этого и до другого можно дойти только исподволь, постепенно, после долгих лет мучительных опытов и политических неудач. В первом случае Россию ждет прежде всего продолжение теперешней смуты и чудовищных ужасов; во втором случае можно надеяться в отдаленном будущем на мирный исход и исцеление.

Что же касается великой заслуги великорусского племени, состоящей якобы в создании и объединении Российского государства, то эта заслуга весьма сомнительного свойства. Что же такое создано великорусским племенем, если действительно оно им создано? Создана громадная тюрьма не только для всех других племен и народов, но также и для самого народа русского, тюрьма, которую теперь с такими усилиями и со столькими жертвами приходится ломать и разбивать, и еще вопрос, удастся ли сломать эту тюрьму так, чтобы вместе с ней не лопнула также и вся злополучная русская государственность.

Затем, в "собирании" и создавании Русского государства помогали великороссам также и другие "присоединенные" и завоеванные народы. В одном ряду с рабами и холопами великорусского происхождения должны были волей-неволей идти также рабы и холопы из всяческих "инородцев".

Да и что тут скрывать и лицемерить? Неужели от возвеличения русского имени и укрепления русской государственности самому русскому народу была какая-либо польза? По мере роста прежней русской государственности сам народ все более порабощался, а пользу из этого извлекала только небольшая кучка отцов командиров и эксплоататоров.

Во имя блага народа, как великорусского, так и всякого другого, нам раз навсегда следует покончить с Молохом государственности, в жертву которому приносится счастье и благосостояние и отдельных лиц и целых общественных групп. И тут все равно, воплощается ли идея этого Молоха государственности в нечто реально существующее одноголовое, или же в многоголовую фикцию, именуемую в данном случае "русским народом". Мы отрицаем и государственную олигархию, и государственную охлократию, сдаем в архив кошмар вероисповедного и национального государства, и руководствуемся положением, что не народы существуют для государства, а государство для народа.

Мстислав Добужинский. Витебск 1919 г.

Мы не допускаем отождествления государства ни с одной церковью, ни с одной национальностью, и требуем, чтобы государство, и в целом, и во всех своих частях, было вневероисповедным, вненациональным, одним словом, внепартийным. Подкладку государственности в наших глазах составляют одни только чисто реальные интересы, интересы экономические и общеполитические.

И вот, руководствуясь этими реальными интересами, мы даем предпочтение именно русскому языку, как языку взаимного общения между представителями всех областей России. К этому решению нас ведет не "преклонение перед гением русского народа" и не признание каких-то особых преимуществ за русским народом, как за "первым между равными", а нас ведут к этому просто самые прозаические и практические соображения экономической пользы, соображения наименьшей траты и времени и умственной энергии.

В России, рядом со слащавым и лицемерным лозунгом "славянофильства", практиковались и все еще практикуются позорные и возмутительные гонения всех и каждого. В семидесятых годах устраивались набеги и карательные экспедиции на униатов за их приверженность к унаследованной от предков вере. Снаряжались походы против католиков. Довольно вспомнить Оржевско-Клингенберговскую кровавую баню и насилия в Крожах. "Строго воспрещалось" говорить по-польски. Употребление литовского алфавита считалось государственным преступлением. Не допускалось Священное писание на языках украинском (малороссийском) и белорусском. Уничтожались проявления магометанской культуры в среднеазиатских владениях. Все кавказские народы обрекались на беспощадное гонение и окончательную русификацию. Самым бесшабашным образом водворялась безграмотность в Прибалтийском крае, среди латышей и эстонцев. Лелеялось "патриотами" культурное разорение и разрушение Финляндии. Евреи были окончательно объявлены "вне закона", а издевательства над ними считались и считаются "патриотическим" подвигом. Погромная мартирология говорит сама за себя. Истреблялись беспощадно попытки всякой территориальной самостоятельности.

И каковы же плоды всего этого?

Прежде всего всеобщее презрение и ненависть к государству, доставляющему подобные наслаждения. Гонение национальностей повело к противоположным результатам: оно не только укрепило эти национальности, но вместе с тем насадило между ними отвратительную болезнь шовинизма и наступательного и задорного "патриотизма". Усилению чувства национальной обособленности между украинцами (малороссами) и даже между белорусами способствовало прежде всего гонение их языков и письменностей. Везде проявляются разъединительные, центробежные стремления, и много воды утечет, прежде чем улягутся страсти и в негодующие массы проникнет сознание общности государственных интересов.

Во избежание подобных разрушительных и враждебных чувств мы предлагаем совершенно другой метод устройства междунациональных и вообще междугрупповых отношений.

Мы признаем общегосударственную и общеобластную обязательность в сфере одних только земных, реальных интересов, по части же национальных, вероисповедных и прочих культурных стремлений представляем каждому полную свободу выбора.

Если вся Россия и ее отдельные автономные части обеспечат всем полную культурную свободу и будут стоять на страже неприкосновенности национальных прав и прав человеческой личности, то без всяких внушений и принуждений разовьется привязанность к подобному государственному целому, разовьется и укрепится общеобластная и общегосударственная солидарность, а подобное чувство гораздо прочнее и серьезнее пережиточного патриотизма или любви к отечеству в древнем стиле.

Если бы народам России удалось решить вопрос автономии в удовлетворительном смысле, тогда такой результат льстил бы и национальному и государственному самолюбию; тогда можно бы гордиться принадлежностью к подобному национальному или же государственному целому. Пока же не приходится гордиться принадлежностью к государству попирания национальных и человеческих прав, к государству школьных процентов, черты оседлости и облав на "бесправных".

Как решатся эти и им подобные вопросы, как решатся многие другие роковые для России вопросы, покрыто мраком неизвестности.

По моему мнению и по мнению моих единомышленников, Россия должна идти в следующем направлении: с одной стороны, к полному уравниванию в правах не только всех без исключения граждан, но тоже всех без исключения вероисповеданий, национальностей и прочих культурных групп и союзов, с другой же стороны, к децентрализации, к территориальной автономии отдельных областей и, в конце концов, к федерализации. Иначе ей грозит разложение и окончательная гибель. Конечно, мы можем ошибаться, и никакой гибели не будет. Тем лучше.

Что же касается возможной гибели России, то я позволю себе заметить еще одно. Гибель государства, в котором беззаконие и неумолимая жестокость совершают победное торжественное шествие по всей стране, государства, в котором хронические и возведенные в правило нарушения этических заповедей и просто преступления не только не осуждаются и не презираются, но, напротив того, превозносятся как подвиги и щедро награждаются, гибель такого государства ни в ком не вызовет сожаления.

Если мы, однако же, стараемся всеми силами противодействовать этой гибели, то только потому, что ужасаемся многих жертв, которые по необходимости повлечет за собой гибель подобного государственного чудовища, да кроме того, руководствуемся чисто эгоистическими побуждениями, ибо думаем, что вместе с Россией погибнут тоже многие близкие нам люди и много культурных ценностей и сокровищ.

МИХАСЬ ТЫЧИНА

НЕ ТЯНИТЕ ДЕРЕВЦЕ ЗА ВЕРХУШКУ

Говорят, пишут, спорят о национальном Возрождении. Одни принимают его безоговорочно. Как некую объективную данность. Горячо приветствуют и дружно поддерживают. Другие же считают искусственным созданием интеллигентских умов, возжелавших воскресить величественные тени полузабытых предков. Третьи (как обычно, это молчаливое большинство) абсолютно индифферентны, живут, чтобы жить, полагая, по-своему справедливо, что уже одно только чисто физическое продление и сохранение этноса может быть засчитано в качестве исторической заслуги. А все вместе мы напоминаем нетерпеливое дитя, которое, посадив деревце, время от времени вытаскивает его, чтобы проверить, принялось ли оно, или же тянет за верхушку, чтобы скорее подрастало.

При всем этом национальное Возрождение сегодня — реальный процесс восстановления исторической справедливости, белорусской государственности, официального статуса белорусского языка и постепенного вхождения в европейское культурное пространство, где мы когда-то чувствовали себя весьма неплохо. Аральское море национальной жизни, высохшее в результате большевистских экспериментов на две трети и оказавшееся на грани исчезновения, должно возвратиться в свои исторические берега. Это естественный процесс восстановления экологического равновесия разнозаряженных национальных масс. Особенно таких, какими всегда были Россия, Германия и Польша. Возможно, само Провидение предназначило Беларуси, белорусам эту уникальную роль погашения и вбирания в себя высоких волн соседних национальных стихий. По крайней мере, это во многом объясняет ее историю и сам национальный характер. Представим себе на месте Беларуси настоящее море. Ну, хотя бы легендарное море Геродота, которое, по преданию, разливалось когда-то на месте нынешнего Полесья. А такие проекты вынашивались.

Молодое деревце национального Возрождения пока еще только пускает и укрепляет корни. Цель — вот она: вырастить это деревце. Нужно лишь многотерпение садовника, прозревающего в сегодняшнем будущее, и сознательная настроенность на черный труд. У нашего народа этого терпения и сопутствующих ему качеств (трудолюбия, скромности, благожелательности, спокойствия, толерантности) всегда доставало. Классики — от Гердера и Достоевского до Купалы и Коласа — тому свидетели. Достанет ли этого терпения и мудрой уравновешенности нашим лидерам? Признанным идеологам национального движения? Не скажется ли отрицательно на их поступках тот "эффект отставания", о котором столько пишется и говорится? Вон как спокойно и детально разрабатывали свои национальные программы наши соседи, литовцы, латыши, эстонцы! Их считали завсегдатаями кафе, которыми славилась Прибалтика (это же надо — полнации любителей попить в укромном уголке кофе!), а они тем временем бережно хранили неугасимую лампаду национального духа и вошли в эпоху "перестройки" гораздо более свободными, чем другие бывшие советские народы. Но и им довелось поспешать и срываться на крутых поворотах истории. Даже прагматизма и рационализма "Саюдиса", хотя бы часть которого неплохо бы иметь и нам, недостало, чтобы вывести свой народ из экономических потрясений. Пришлось на марше менять рулевого. Что же говорить о других, гораздо менее терпеливых! Велика вина интеллигенции, сеятельницы национальных идей, в тех регионах, где сегодня льется кровь. И, конечно же, как всегда и везде, "за веру, царя и отечество". В свое время она, видимо, плохо использовала даже те минимальные возможности, которые нехотя давала тоталитарная система, чтобы просвещать народ и готовить его к будущим неизбежным переменам. Вот и приходится наверстывать упущенное.

Сегодня идеи, которые созревали в колбах и ретортах и испытывались в лабораторных условиях, вышли на улицу. Чистая теория, теория ради теории, одинаково приложимая ко всем и ко всему, в реальной жизни очень часто напоминает факел, с которым безумец бегает вокруг заправочной станции. Увы, любителей зажечь спичку и подсветить в таком "темном" вопросе как национальный слишком много, чтобы оставаться спокойным. Что говорить об опустошительных набегах дилетантов, если и профессионалы забывают иногда правила пожарной безопасности. Читаешь на редкость глубокую и вдумчивую статью С.Польского "Брейк-даун" по-белорусски?", соглашаешься с его призывами к разговору на высоком профессиональном уровне, особенно, когда речь идет "о таком болезненном вопросе, как национальный", и вдруг наталкиваешься на вывод: "Национализм — идеология и дня вчерашнего, и дня сегодняшнего, и дня завтрашнего. Национализм — господствующий принцип современной эпохи. Он все больше приобретает характер повсеместного, всеобщего явления".

Но в любой европейской энциклопедии, в любом истинно научном трактате западного ученого понятие национализма сопровождается неизменными эпитетами — звериный, пещерный, крайний, демонический и т.д. В чем же дело?

Почему внезапно такой срыв? Похоже, что С.Польский к концу статьи просто заторопился и не успел объяснить, что есть национализм и национализм. А именно: крайний, реакционный национализм, который пытается решить проблемы своего этноса за счет соседей, и "белорусский национализм", о котором С.Польский пишет, как о "добирающем" то, что у него было насильно отобрано, возвращающем национальную жизнь в прежние берега. О том, что такой "национализм" в данный момент прогрессивен и конструктивен, много говорят и пишут в последнее время Василь Быков и Нил Гилевич. "Я считаю национализм, — говорит В.Быков в беседе с Ю.Залоской, — спасительной идеологией на современном этапе белорусской истории". Здесь важно сделать акцент на словах "спасительной идеологией" и "на современном этапе". Понятно, что и Быков и Гилевич употребляют это понятие скорее в поэтическом, романтическом ореоле, не вникая при этом в его объективно-научное содержание.

Истина всегда очень конкретна. Единственное, что может спасти нас в условиях, когда едва ли не все явления и понятия превращаются легко в свою противоположность, это чувство меры, чисто рациональный и даже сугубо прагматический подход, обыкновенный здравый смысл. Этому качеству белорусская интеллигенция, являющейся движущей силой национального Возрождения, хранительницей и носительницей национальной идеи, могла бы поучиться у своего собственного народа. Да, того самого народа, о котором порой можно слышать, что он "темный", "пассивный", "безразличный к судьбе своего языка и своей культуры". Все это действительно есть и в народе. Но наличие "тьмы" и "света" в нем всецело зависит от объективных условий, в которых мы живем. Это понимал Янка Купала: "Шмат народ цярпець умее, умее і памсціцца, як дадзене вельмі крыўда, як зло разгасціцца". Белорусы, в соответствии со своим характером, по обыкновению не спешат, не суетятся. И, конечно же, сильно при этом рискуют опоздать на "праздник жизни". Но это же качество белорусской натуры дает и известные всем положительные результаты. Хотя бы ту же относительную социальную и экономическую стабильность, о которой все громче говорят наши соседи и деловые люди Запада.

Замечательное определение нашему национальному характеру дал Рыгор Бородулин, сравнив его с торфом, который очень трудно разжечь, но и так же трудно потом погасить, когда он разгорится. Так стоит ли через меру разжигать страсти? Стоит ли спешить? Ведь речь идет уже не о теориях и идеях, а о человеческих жизнях. Конечно, "дело прочно, когда под ним струится кровь". Но чья эта кровь, и жизнь, и судьба? Полбеды, если только ваша — собой вы имеете право жертвовать. Но вправе ли мы жертвовать, как библейский Авраам сыном, своими детьми. Как известно, Бог-Отец не принял эту жертву у Авраама. Примут ли ее наши наследники?

А РЫЦАРЬ УШЕЛ...

Мстиславщина периодически выплескивала сгустки интеллектуальной мысли. "Мстиславский вулкан талантов" — так называл его Владимир Короткевич. Петр Мстиславец, братья Куторги, Иван Носович... Вторая половина прошлого столетия — братья Праховы, начало сегодняшнего — братья Горецкие, конец нашего века — Михась Ткачев.

Мстиславль — Минск — Гродно и снова Минск. Восток — центр — запад и снова центр Беларуси. Таков жизненный путь Михася Ткачева. А еще многочисленные экспедиции по всей белорусской земле. И земля отдавала ему свои тайны. Он буквальным образом откапывал белорусскую историю, пласт за пластом. Создавал книги о замках и людях родного края. По летописному известию, по камню, по уникальной археологической находке выстраивал, восстанавливал их на страницах своих трудов. Строил их и себя. И стоял как мощная оборонительная вежа на защите Отчизны.

Говорят, что профессиональные занятия формируют характер человека. Дух средневекового белорусского рыцарства возродился в Михасе Ткачеве. Когда в Гродно он организовал и возглавил историко-культурный и политический клуб "Паходня", то многие понимали, что пламя этого факела освещает дорогу к свободе, но мало кто верил, что очередной призыв к возрождению будет услышан. Этот шаг требовал личного мужества, которого так не хватало в те годы у многих нынешних рупоров национальной державности и суверенитета. Он был рыцарем в жизни, науке, политике. Ничто в нем не напоминало чиновника, хотя и являлся главным редактором Белорусской энциклопедии, или партийного босса, хотя и возглавлял Центральную раду Белорусской Социал-демократической Грамады.

История, которую он так любил, полна совпадений. Синхронизм — скажет специалист, судьба — скажут люди. Праздник по случаю окончания части реставрационных работ в Мирском замке. Дзяды, и между ними смерть Михася Ткачева. Он был рыцарем, а век рыцаря недолог. Смерть нередко застает его в походе. Замок в Мире, силуэт которого украсил обложки трех его книг, открыт. А рыцарь ушел...

А.К.

Светлана Алексиевич

ЗАЧАРОВАННЫЕ СМЕРТЬЮ

(Окончание. Начало на стр.1)

Я их поил, выхаживал. Появилась мама: "Они что — мертвые?" И они умерли после ее слов. Папа дарил мне военные фуражки... Но я никогда не хотел быть мальчиком... Детский страх: мальчики все становятся военными и их убивают... О! Как я хотел молочными зубами вгрызться в папины хромовые сапоги, биться и кусаться. За что он меня — по голой заднице перед соседским Витькой!?

Я не рожден для танца смерти... У меня классический "ахилл", мне бы танцевать в балете. Но папа служил великой идее, он был часть этой идеи. Как будто трепанация черепа произошла... Все без штанов, но с винтовкой... Пора сменить жанр... Там, где играли оптимистическую трагедию, сейчас разыгрывают комедию и боевик. Ползет-ползет, шишки грызет... Угадайте, кто это? — Алексей Мересьев... Все, что осталось от папиной идеи, которая в страшной крови. Не люди убивали друг друга, идея убивала. Идея-убийца... А папа? Он беспомощный человек, совсем не готовый к старости, потому что в старости надо просто жить. А он себя без той великой идеи не представляет... Ну, пусть бы кактусы выращивал или спичечные коробки собирал!? Сидит у телевизора: заседания парламента — левые, правые, митинги, демонстрации... Папе нужен враг, притаенный, замаскированный, нужна борьба, иначе жизнь утрачивает смысл, бесцельна. Безжертвенна! Такая жизнь папе неизвестна и непонятна. Вот мы смотрим с ним вдвоем телевизор: японский робот ощупывает старый карьер и вынимает из песка ржавую мину, увозит взрывать. Папа в бесконечном недоумении: "Гробить технику? У нас что, личного состава не хватает?" У него свои отношения со смертью. Она для него всегда чему-то равна: спасенному самолету, выхваченному из пламени колхозному трактору, досрочному выполнению задания партии и правительства. Отдельно от этого жизнь и смерть для него не существуют...

На Сахалине мы жили возле кладбища. Почти каждый день я слышал похоронную музыку: желтый деревянный гроб — умер кто-то в поселке, обитый красным кумачом — летчик погиб. Красных гробов было больше. После каждого красного гроба папа приносил в дом магнитофонную кассету... Приходили летчики... на столе дымились пожеванные папиросные "бычки", блестели запотевшие стаканы с водкой... Крутилась кассета:

— Я — борт такой-то... Движок стал...

— Идите на втором.

— И этот отказал...

— Попытайтесь запустить левый двигатель.

— Не запускается...

— Правый...

— Молчит...

— Катапультируйтесь!

— Фонарь кабины не сбрасывается!.. Твою мать!!! Э-э-э... Ы-ы-ы... Я долго представлял смерть, как падение... С немыслимой высоты... Без слов... Э-э-э... Ы-ы-ы... На языке ветра... Стихии... Материи...

Кто-то из молодых летчиков один раз спросил у меня:

— Что ты, малыш, знаешь о смерти?

Я удивился. Мне казалось, что я это знал всегда. Притяжение. Страх и любопытство. Хоронили мальчика из нашего класса — нарыл в песке старых окопов патронов и бросил в костер... Вместо глаз — два пятачка... Я это знал всегда, я родился уже с этим знанием. Может, я уже когда-то умирал... Или мама, когда я еще помещался в ней, сидела у окна и смотрела, как везли на кладбище: красный гроб, желтый гроб... Я загипнотизирован проблемой смерти, в течение дня я думаю о ней десятки раз. Наверное, потому что я в детстве жил возле кладбища. Смерть пахла папиросными "бычками", недоеденными шпротами и водкой. Это не обязательно беззубая старуха с косой, а, может, это красивая девушка? И я ее увижу...

... Восемнадцать лет. Всего хочется: женщин, вина, путешествовать... Загадок, тайн... Я придумывал себе разную жизнь, представлял. И в этот момент тебя подлавливают... Мне до сих пор хочется раствориться, исчезнуть, чтобы ничего обо мне не знали, не оставить никаких следов. Уйти лесником, беспаспортным бомжем... Постоянно наваливается один и тот же сон: меня опять забирают в армию... Перепутали документы, и снова надо идти служить. Кричу, отбиваюсь:

— Я уже служил, скоты! Отпустите меня!!

Схожу с ума! Жуткий сон... А моему другу, он воевал в Афганистане, снится, что автомат не стреляет...

Я не хотел быть мальчиком... Я не хотел быть военным... Папа сказал:

— Ты должен стать мужчиной. А то девочки подумают, что импотент. В армии меня будут убивать... Это я знал... Или меня убьют, или я убью. Брат вернулся после службы сломленным человеком. Каждое утро его били ногой в лицо... Он лежал на нижних нарах, старослужащий — наверху... Когда тебя целый год пяткой в морду! Попробуй остаться тем, кем ты был. Есть тип людей, которые не могут быть мясом, а есть другой тип, готовый быть только мясом. Человеческие лепешки... Я учился бить... В лицо, между ног... Как позвоночник переломить... Хатха-йога, каратэ...

Расскажу анекдот... Сменим жанр...

Гуляет по лесу дракон. Встретил медведя:

— Медведь, — говорит дракон, — у меня в восемь часов ужин. Приходи — я тебя съем.

Идет дальше. Бежит лиса.

— Лиса, — говорит дракон, — у меня в семь утра завтрак. Приходи — я тебя съем.

Идет дальше. Скачет заяц.

— Стой, заяц, — говорит дракон, — у меня в два часа обед. Приходи — я тебя съем.

— У меня вопрос, — поднял заяц лапу.

— Давай.

— Можно не приходить?

— Можно. Я тебя вычеркиваю из списка.

... Нас ведут по перрону... Девчонки машут... Мамы плачут...

В памяти остаются только голоса:

— Сорок таблеток... Попытка суицида... Белый билет. В армию не берут... Надо быть дураком, чтобы остаться умным... Бей меня! Бей! Ну, и пусть я — говно, мне наплевать. Зато я — дома, трахаюсь с девчонками, а ты — с винтовкой пошел играть в войну...

Человека можно запрограммировать. Он этого сам хочет. Ать-два! Ать-два! В ногу!! Что такое вор в законе? Человек, у которого нет романа со смертью, он решил свои отношения со смертью. Зацепи — вилку в глотку воткнет! Жизнь прожита, сожжена дотла. Такой прыгнет, укусит. А сотня молодых мужчин вместе? Зверье! В тюрьме и армии живут по одним законам. Беспредел. Заповедь первая: никогда не помогай слабому, слабого бей сапогами по глазам. Ночью: кто хрюкает, кто квакает, кто маму зовет, кто воздух портит... Но слабого бей сапогами по голове!

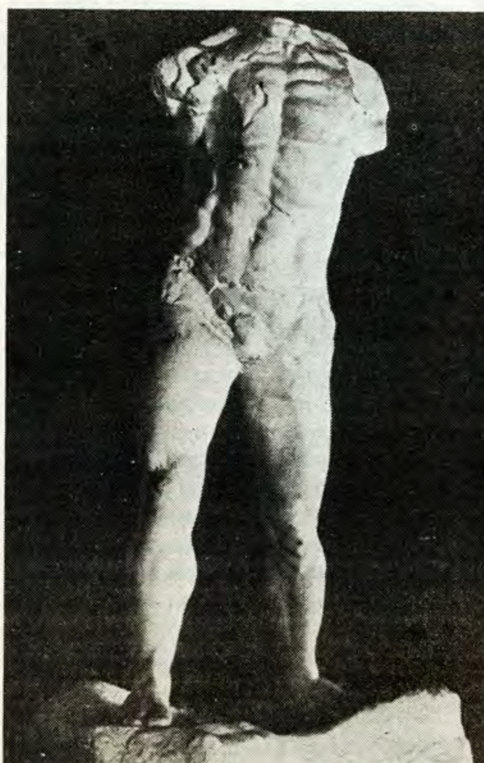
Чехов писал, что надо каждый день выдавливать из себя по капле раба. Но иногда человеку хочется быть рабом, ему это нравится. Подъем. Команда:

— Лечь! Встать!

Все встали, один лежит.

— Лечь! Встать!

Лежит.

Огюст Роден. Идущий человек.

Сержант стал желтый, затем фиолетовый:

— Ты что?

— Суета сует...

— Ты что?

— Суета...

Сержант — к командиру роты, тот — к гэбэшнику. Подняли дело: баптист. Как он в армию попал!? Его оградили от всех, потом куда-то увезли. Он фантастически опасен! Не хочет играть в войну...

Покончить с собой я хотел раз пять. На пятый... решился... Повеситься... Нормально. Все возле этого когда-то проходили... Командир просил:

— Только не стреляйтесь. Людей списать легче, чем патроны.

В человеке есть война, война возбуждает. Мне бы сказали — строить этот дом, в котором я живу, — долго. А разрушить — в два дня. Какой восторг! Бить, крушить! Нам это нравится. Системы возврата нет... Я боюсь замкнутых пространств... Ненавижу социальную жизнь... Встать — лечь! Лечь — встать! Почистили нас, помыли. Вынесли красное знамя: "И если я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара..." Ночью во сне я убегал от отца, он целился в меня, целился...

Первое письмо от девушки... Руки затряслись... Но жизнь больше Феллини, чем Бергман. Письма хранить нельзя.

Проверка тумбочек:

— Бабы ваши, будут наши. А вам еще служить, как медным чайникам. Неси свою макулатуру в унитаз...

Положен набор: бритва, авторучка, блокнот... Сидишь на "очке" и читаешь последний раз письмо: "Люблю... Целую..."

Полярная ночь. Бесконечная. Стоим вдвоем в карауле. В руках — оружие. Мне пришла мысль, что это совсем просто: секунда — две, и ты — свободен... Я могу назвать не причину, а повод. Если искать причину, то надо начинать оттуда, когда мама хотела девочку, а папа хотел аборт. Где-то в подсознании у меня это закодировано... И папины заклинания: "Герой! Герой!" Героев я представлял без рук, без ног. С кровавыми звездами на спине... Я никогда не хотел быть героем. Я ненавижу героев! Я их презираю! Миражи! Мифы! Иллюзия! Подмена! В детстве мы играли в самураев. Самурай должен был красиво умереть: не имел права упасть лицом вниз, закричать. Я всегда кричал... Меня не любили брать в эту игру...

А повод? Повод мог быть ерундой... Сержант сказал, что ты — мешок с говном или колбасы на обед не досталось. Чай без сахара... Столкнуть могла чепуха...

Но жизнь больше Феллини, чем Бергман.

Стоим в карауле. Шепот (парень деревенский, с Украины):

— Ты знаешь, что такое оргазм? Пробовал?

Это мы — с ракетами и ядерными головками, которые могут тысячи людей убить? И я, который хочет себя убить?..

... Смерть похожа на любовь. В последнее мгновение — страшные и некрасивые судороги. Мы не способны вернуться из смерти, но из любви мы возвращаемся. И можем вспоминать, как было... Вы тонули когда-нибудь, вас затягивал вир? Я тонул... Чем больше сопротивляешься, тем меньше сил. Смирись — и дойди до дна. Там уже твой выбор: или ты хочешь умереть, или ты хочешь жить? Хочешь жить — пробивай небо воды, возвращайся. Но сначала дойди до дна...

Я дошел и понял: хочу жить! Просто жить! Я никого не убил, единственный человек, в которого я стрелял, я — сам... Только ранил...

Но жизнь больше Феллини, чем Бергман...

Там? Там никакого света в конце тоннеля... И ангелов я не видел... Сидел отец у красного гроба... Гроб пустой...

Сон... Жизнь... Эта жизнь? Или та? Как у Мережковского: "Лишь тенью тени мы живем".

Александр Ступников

АЛЛО, Я ВАС ПОДСЛУШИВАЮ...

ИЗ ОПЫТА ЖИЗНИ НА ЗАПАДЕ

Когда Крис позвонил мне на работу, я его едва вспомнил. Да и то, откровенно говоря, благодаря звучному имени, запавшему с детства после книги "Спартак" Джованьоли. Как и повстанец Крис, его американский тезка в душе был бунтарем и даже активистом небольшой левацкой группы, выступающей "ни за Запад, ни за Восток". Мы встретились с ним у кого-то в гостях, вместе покурили на кухне и по старой российской привычке я дал ему телефон, пригласил при случае забегать в гости. С тех пор мы почти год бегали сами по себе.

— Привет, — сказал Крис. — Как ты поживаешь?

— Отлично, — заученно ответил я, соображая, что ему может понадобиться от меня.

— Что ты делаешь в субботу?

— Надо подумать, — мне заметно полегчало. Самое страшное, чего можно ожидать в субботу, это приглашения.

— Можешь выступить у нас на ежегодной конференции? — Крис был само очарование. Конференции и подобного рода трали-вали, как минимум, не оставляют такого гнетущего чувства потерянного времени, как американская вечеринка. К тому же, выступления всегда доставляют мне радость, несмотря на то, что на них добрая половина слушателей обычно жует воздушную кукурузу или просто таращит глаза, если они еще открыты. Зато это единственная возможность видеть, что тебя в этой стране хоть кто-то слушает. Судя по гонорарам врачей-психиатров, собеседник в Америке стоит баснословно дорого.

— А что за конференция? — спохватился я. А вдруг это сходка борцов за права изменивших пол феминисток, гомосексуалистов и лесбиянок. Впрочем, что касается последних, то я бы не отказался сходить и посмотреть, поскольку они всегда вызывали у меня здоровый мужской интерес. Действительность оказалась намного прозаичнее.

— Социалистов-революционеров, — просто сказал Крис.

Сначала я решил, что ослышался.

— А что, в Америке есть еще социалисты?

Мы оба рассмеялись, причем я — от души.

— Слушай, Крис, а как там насчет ребят из ФБР?

Мне, не имевшему тогда гражданства, очень не хотелось появляться там, где тусовка местных неформалов вызывала пристальное внимание властей.

— А как же без них... — Теперь хорошо смеялся Крис — лицо без определенных занятий, дожидающееся наследства и прожигающее жизнь между косяком "мери Джейн" — марихуаны и яростной критикой буржуазии. Как гражданину свободной страны ему было глубоко плевать и на ФБР, и на президента, и на всех остальных. Средний американец, не желающий или достаточно способный, чтобы не лезть на службу в государственные структуры, может себе это позволить. Только новые иммигранты и местные бездари смотрят на госструктуры снизу вверх. Первые — из-за неуверенности юридического статуса и социального положения, нередко зависящего от чиновников благотворительных служб. Вторые — потому что оказались неспособными работать на себя или в частных структурах, требующих инициативы и конечного результата.

Как ни крути, государственная служба и на Западе, и на Востоке — кормушка с гарантированным заработком, пенсиями и страховками. Понятно, что оплачивается это несвободой в самостоятельных решениях, системой соподчинения перед вышестоящими и, как правило, бессмысленной бюрократической значимостью. В такой стране, как Америка, правительственный чиновник на самом деле — уже неудачник, поскольку он не принадлежит себе и не работает на себя. Кроме того, он еще и подставляется под соответствующую проверку до получения места, и нередко проверка эта касается не только возможных уголовных прегрешений, но порой и политических симпатий и взглядов. Два этих фактора отгуливают от государственной службы значительное число предприимчивых и энергичных американцев. Государственный служащий в Америке обязан быть лояльным или даже аполитичным. А это не всех устраивает.

Летом 1986 года я работал заместителем декана летней школы одного из самых престижных в США колледжа в Миддельбери, штат Вермонт. На различных факультетах наши студенты изучали языки — от русского до китайского. Примерно через месяц на одном из общежитий кампуса появились объявления, приглашающие на собеседование, разумеется, конфиденциальное, тех, кто интересуется работой в ЦРУ. Никаких особых эмоций и разговоров это объявление не вызвало. Есть шанс на хорошо оплачиваемую работу и каждый волен выбирать свой путь. Интересно другое: ни один из самых толковых и перспективных студентов "русского" отделения, насколько я знаю, на такое собеседование не пошел. Сами студенты объяснили это следующим образом:

— Зачем мне работать на государство и зависеть от разных придурков? В бюрократической госсистеме карьеру нормальный человек сделать не сможет. Это слишком дорого стоит. Я попытаюсь сам, хотя такой путь не прост и не дает гарантий. Но это — мой путь. И никто не имеет права совать свой нос в мое прошлое и настоящее...

Кому надо, сунет свой нос и без разрешения. Но это его проблемы. Государственная служба такое разрешение не только предполагает, но и обуславливает.

Что интересует частника? Умеешь ли ты работать и сможешь ли научиться, даже если не умеешь. Что интересует госслужбу? Сумеешь ли ты сделать то, что тебе скажут и то, что ты должен делать, согласно написанным инструкциям и неписаным правилам? В свободном мире не каждый на это пойдет. Да и не каждого возьмут. Выберут. И проверят.

Скажем, вы сдали экзамен для работы на государственной радиостанции "Голос Америки" или независимой, как говорят ее сотрудники и ныне власть имущие бывшие партработники, радиостанции "Свобода". После уведомления об успешном экзамене вам обязательно пришлют бланк с отпечатанным текстом, где указывается, что вы обратились в такие-то структуры за получением работы и согласны быть подвергнутым проверке соответствующих спецслужб. Требуется только ваша подпись. У внештатных авторов такую подпись не запрашивают. Здесь простейший уровень рыночных отношений: товар (информация) — оплата. Кстати, их, как правило, в штат и не возьмут, хотя, отправляя материалы, многие потом приезжают в Мюнхен и в Лондон в надежде остаться. Одна из причин отказа связана с невозможностью должной проверки, а также отсутствием опыта жизни на Западе, и, соответственно, материалов "личного дела" оттуда. Разумеется, желающим работать об этом прямо не говорят.

Разница же между государственным "Голосом Америки" и как бы негосударственной "Свободой" в том, что в первом проверку проходят открыто, а во второй — негласно. Скорее всего, это потому, что формально независимая структура не имеет права, как "Голос", открыто привлекать спецслужбы. Это рассматривается как вмешательство в личную жизнь и политическое просвечивание, что противоречит провозглашенным демократическим основам.

Открытая проверка сотрудников не проводится и на русской службе Би-Би-Си, хотя наблюдается странная закономерность: между личным интервью кандидата и зачислением в штат почти всегда проходит где-то около полугода. Это объясняется, видимо, как и на "Свободе", формально независимым статусом службы, хотя на самом деле между русской службой и самой Би-Би-Си такая же разница, как между общенациональной телерадиокампанией и районным радио проводной сети. Они только по названию в одной системе. Но если Би-Би-Си — независимая, хотя и субсидируемая частично государством кампания, то русская служба, и об этом практически никогда не говорят вслух, финансируется из одного источника — министерства иностранных дел со всеми вытекающими из этого последствиями отбора и подачи информации. Заказчик же, понятно, не может не обращать внимания на подбираемые кадры. Поскольку в Великобритании нет "русской эмиграции", то набор осуществляется там, где она есть — в основном в Израиле и США. Понятно, что обстоятельная предварительная проверка в таких случаях слишком дорогостояща и потому невозможна. Поэтому здесь применяют иной метод. Но об этом позже. Сначала о проверках гласных.

В свое время по этому вопросу ко мне в Нью-Йорк приезжал симпатичный дядька, бывший работник ФБР. Будучи на пенсии, он в качестве подработки осуществлял проверку потенциальных кандидатов на "Голос Америки" и, надо отдать должное, делал это четко и быстро.

После личного собеседования по анкете, он проскочил не только всех указанных там знакомых и родственников, "знавших вас по жизни в СССР", но и нашел всех моих бывших хозяев квартир. Управляющая домом, где я жил в то время, пожилая румынка, чуть меня не подставила.

— Вы знаете, — поймала она меня как-то утром у машины, — приходил какой-то хмырь из ФБР и расспрашивал про вас. Мол, кто у вас бывает, пьете ли вы, ладите ли с соседями. Я сказала сущую правду — что вы один из лучших жильцов нашего дома.

— А еще, — хитро прищурилась она, — он интересовался, водите ли вы женщин, часто ли они у вас бывают. Но я его успокоила. Сказала, что женщин вообще никогда не видела и, кроме молодых людей, у вас никого не бывает...

Она была очень довольна тем, что помогла мне. День показался мне ночью: еще не хватало получить ярлык гомосексуалиста. К счастью, все обошлось, а точнее — осталось на своих местах и через два месяца я получил приглашение — контракт работать в Вашингтоне.

Кстати, еще перед получением контракта из "Голоса Америки" меня вызвали в Вашингтон, и моложавый сотрудник спецотдела, побеседовав, предложил последнюю бумагу, согласно которой я обязан немедленно "стукнуть" куда надо, если кто-то из советских начнет меня вербовать или шантажировать.

Американцы не всегда работают открыто. Другое дело, подставить своего человека для разработки объекта здесь очень непросто. Таким человеком почти всегда должен быть сотрудник спецслужбы, что довольно дорого. Из американцев мало кто согласится специально узнавать и общаться с приятелем для получения информации с последующей ее передачей. Сама постановка такого вопроса для них оскорбительна, а, скажем, "интересы национальной безопасности" в таких случаях могут вызвать только смех. Слово "должен" вызывает у свободных и порядочных людей довольно резкую реакцию отторжения.

Одна моя знакомая в США как-то оформлялась для работы в посольство в Москву. Разговор шел об обслуживающем персонале, но она, с двумя колледжами и неплохим русским языком, была готова к тому, чтобы получить возможность активной живой практики и ступеньки для последующей карьеры. Пройдя соответствующие тесты и проверки, она отправилась в Вашингтон на последнее собеседование, откуда вернулась расстроенной.

— Я там не смогу, — сказала она. — Надо будет жить в замкнутой среде и чуть ли не о каждом неформальном контакте информировать руководство. Рабство — это не по мне...

Есть и еще одна причина сложности глубокого и стабильного сбора информации о человеке в США. Здесь не принято общение в известном нам понимании. Люди, если они не связаны личными отношениями, не встречаются очень часто, не ведут проникновенных бесед на кухне заполночь. Никто не будет, да и не имеет права, расспрашивать другого о его проблемах, планах и отношении к чему-то. Это личное дело каждого и у каждого свои, настоящие проблемы, связанные с работой, кредитами, счетами и отдыхом. Позвонить и приехать просто так — слишком большая и недопустимая роскошь. Мало того, если называть вещи своими именами, — покушение на свободу личности другого человека. Иное дело — предварительная договоренность о встрече, совмещенная с ужином в каком-нибудь китайском ре-

ПАРАЛЛЕЛИ

сторанчике или горячительным в баре.

Никто не имеет права лезть другому в душу и личные вопросы вызывают такое же недоумение, как интерес к твоим источникам доходов. Столь же не принято и выворачивать свои проблемы наизнанку — кому они нужны, твои проблемы? Таким образом, глубоко "копать" среднего человека здесь нет ни времени, ни возможности. Тем более, если речь идет об обычной государственной службе, а не о работе в институтах власти, связанных с секретностью. Таким образом, проверки, которым подвергается кандидат из иммигрантов, скорее базовые, чем обстоятельные.

Для обстоятельной разработки кандидата используются краткосрочные контракты от полугода до трех лет. К таким контрактам прибегают как "Голос Америки", так и русская служба Би-Би-Си. Они эффективны, поскольку объект находится в замкнутом пространстве постоянной среды. Сотрудники этих служб, судя по частным разговорам, убеждены, что их телефоны прослушиваются, а почта перлюстрируется. Другое дело, что никто на это не обращает внимания, поскольку каждый должен заниматься своим делом, а за неодобрительные высказывания в адрес правительства и его политики никто к начальству на ковер, как это было в СССР, вызывать не будет. Но могут не продлить контракт. Как это произошло, например, с талантливым журналистом, сотрудником русской службы Би-Би-Си Владимиром Пименовым. Приехав в Лондон из Дании и получив полугодовой контракт, он из простого любопытства проявлял слишком большой интерес к напичканной аппаратурой закрытой маленькой комнате, примыкающей к офису службы. Далась она ему, эта комната. Парня распирало узнать у коллег, в каком неофициальном воинском звании состоит нынешний директор службы и почему Запад именно сейчас спровоцировал Саддама Хусейна на агрессию против Кувейта, а затем, разбив его, сохранил прежний режим. Он не мог успокоиться и рвался писать комментарии, хотя человеку изнутри было видно без объяснений, что после скончавшегося в начале восьмидесятых годов Анатолия Максимовича Гольдберга, русские сотрудники здесь комментарии не пишут, а только переводят написанное британскими специалистами. Мало того, они не имеют права даже подбирать новости в эфир, а, как и на "Свободе", только переводят и читают уже подготовленные и отобранные местными журналистами материалы, идущие через компьютер или по телетайпу. Диктуется даже последовательность предлагаемых важнейших событий дня.

Пименов же серьезно считал, что можно получать зарплату от государства (или МИДа) и использовать его структуру для самовыражения, бесконечно повторяя классическую ошибку человека, выросшего в советском обществе, — видеть мир не таким, каков он есть, а каким его видеть хочется. Поскольку на Западе редко говорят "ты должен", а просто подсказывают или намекают, то вскоре непонимающий подсказок журналист стал "белой вороной". И хотя он работал добросовестно и аккуратно, а его английский грешил только американским акцентом, парню не продлили контракт под смехотворным предлогом. Слово не воробей, поймают — вылетишь. На Западе ты скорее получишь работу, чем потеряешь ее по причинам, не связанным с квалификацией или производством. При этом, говоря о "русских" эмигрантах, можно оказаться заурядной жертвой злословия, даже о том не подозревая.

В США, и в англоязычных и в русскоязычных изданиях мне доводилось видеть черным по белому напечатанные платные объявления спецслужб, предлагающих читателям некий номер телефона для конфиденциальной информации относительно знакомых или коллег, подозреваемых в сотрудничестве с иными спецслужбами. В русскоязычных газетах такая информация звучит как прямой призыв к доносам. И ни у кого не вызывает возмущения.

Сообщения же о незаконных подслушиваниях вообще давно никого не удивляют. Подумаешь, новость! Пару лет назад общественность Великобритании, тем не менее, была буквально шокирована фильмом независимого телевидения о специалисте по установке подслушивающих устройств, который не только мило показал как среди бела дня он и его коллеги подключались к телефонным коммуникациям, но и как он лично устанавливал "жучки" в местах собраний активистов движения за мир, профсоюзных правдоискателей и троцкистско-коммунистических групп. Частных специалистов нанимала для этого служба безопасности.

Число законных подслушиваний считается достаточно скромным и известным кому надо. А незаконных? Западные эксперты полагают, что подслушиваемых офисов, домов, машин и телефонов здесь не счесть. В восьмидесятых годах в ФБР поступало только несколько сотен сообщений об обнаруженных противозаконных подслушивающих "жучках". О широком распространении "клопов" неоднократно заявляли и конгрессмены, в основном от демократической партии. Оно и понятно — оппозиция. К тому же спросите любого русского в Америке, и он вам ответит, что местные демократы ни черта не понимают в демократии. Им только дай волю...

В США время от времени по вопросу о "клопах" проводились слушания в конгрессе. Еще лет пять назад здесь, с разрешения федерального или штатного суда, проводилось до восьмисот только телефонных прослушиваний в связи с уголовными делами и более шестисот — в целях национальной безопасности. В последние годы федеральные агентства просто не сообщают об этом — оно спокойнее.

Зато недавно на Западе разразился буквально бум частного прослушивания. И совсем не обязательно покупать "клоп" за несколько десятков долларов во многих магазинах, где продают электронику. Кстати, такая игрушка, размером всего в четыре инча (дюйма?), может быть помещена в стену, в часы, в любой предмет, который подключается в сеть. Таким образом, через него на любом расстоянии прослушивается вся комната. Последний крик моды — "виспер" — шептун, который выглядит как обычный приемник с наушниками. Регулятор позволяет направлять встроенный в него микрофон и слушать, о чем говорят соседи по службе, кафе или на скамейке. Но это уже для бытового любопытства.

В Лондоне мне довелось долго беседовать с хозяином частной процветающей фирмы, продающей разного рода подслушивающие устройства. По его словам, если раньше к микрофонам, особенно дистанционного прослушивания, проявляли интерес различные государственные службы, от местных до африканских, то теперь наступила очередь обывателя. Подслушивают активно и конкурентов, и политических противников, и жен, и мужей, и даже своих детей, заподозренных в недозволенном.

— Среди наших клиентов были правительства Алжира, Марокко. Плати и забирай... — сказал предприниматель. — Если вам что-нибудь понадобится, то я готов предоставить значительную скидку за товар — я думаю, в России это пригодится...

Во многих больших компаниях и, в частности, американских телефонных, открыто используется специальное оборудование для наблюдения за служащими и проверки качества их сервиса. "Нам бы такой контроль, — подумают многие из читателей, — хоть бы связисты хамить перестали, раз уж все равно работать не хотят". Но дело в том, что такая проверка сервиса позволяет администрации осуществлять как выборочное, так и постоянное прослушивание какого-то номера. Без разрешения прокурора...

Любителям звонить из США в Россию или, скажем, в Израиль небезынтересно знать, что Агентство национальной безопасности слушает множество таких разговоров. Они передаются через мощные микроволновые передатчики и при современной технике довольно легко перехватываются. Причем запись может начаться автоматически — стоит говорящему сказать несколько ключевых слов, имеющих отношение к предполагаемым вопросам национальной безопасности. Другое дело, что все эти игры не скажутся ни на возможностях связи, ни на качестве звука. Пусть играют, если это еще кому-то нужно...

"Где наша не пропадала, — подумал я. — Стоит ли упускать возможность встретиться с американскими социалистами, да еще и революционерами..."

Рабочий телефон Криса был долго занят. Наконец я услышал... свой голос, словно отдающийся далеким эхом на той стороне линии.

— Слушай, Крис, а где будет эта чертова конференция? Я, наверное подойду — не каждый день услышишь искренних борцов с капитализмом. Перевелись "ястребы" — одни дятлы остались.

— Дятлы остались, — отозвалось эхо.

— А чего ты кричишь, — сказал Крис. — Все и так хорошо слышно. Даже очень.

"А чего я, собственно, кричу, — подумал я. — Тише надо говорить. Тише..."

Нью-Йорк — Лондон — Минск

Роман Яковлевский

ГАННОВЕРСКИЕ УРОКИ

Группа белорусских политиков, представителей оппозиционных партий, посетила Германию. Им была предоставлена возможность ознакомиться с опытом различных структур власти. В качестве хозяина выступил Центр политического образования земли Нижняя Саксония.

Такие центры стали создавать американцы в Германии с 1946 года. В основе идеи лежало стремление сделать демократию надежной, облегчив участие каждого гражданина в ее становлении, в управлении страной. Центры эти свободны от пропаганды и рекламы, от влияния какой-либо политической партии.

Руководит Центром политического образования Нижней Саксонии доктор Вольфганг Шеель. Историк по образованию, он является членом Христианско-демократического Союза (ХДС). Белорусским гостям, представлявшим Объединенную демократическую партию Беларуси (ОДПБ), Белорусскую Социал-демократическую Грамаду (БСДГ), Партию народного согласия (ПСН) и Белорусский Христианско-демократический Союз (БХДС), доктор Шеель подробно рассказал о деятельности Центра. Ранее Центр имел кураторский совет, в который входили депутаты земельного парламента — ландтага. Совет на правах парламентского комитета контролировал деятельность Центра политического образования и принимал решения относительно бюджета. Официально мы были, сказал господин Шеель, частью правительства, являясь "чем-то средним" между исполнительным и законодательным органами. Задача заключалась в разрешении проблем альтернативными методами. Центр издает журнал "Актуальные вопросы и контрверсии", который дает возможность гражданам получать представление о различных точках зрения на одни и те же вопросы. Важным видом деятельности Центра являются лекции и семинары, а также курсы повышения квалификации для учителей. На время занятий за учителями сохраняется заработок (примерно 7 тыс.марок). В год проводится 250 еженедельных семинаров, в т.ч. международных. В Центре политического образования работают 50 сотрудников, из них 25 — научные. Изданная Центром книга о нападении Германии на СССР, была распространена бесплатно во всех школах земли Нижняя Саксония. Средства на издание были выделены государством.

С 1985 года в ведении Центра находится печально известный памятник-музей в Берген-Бельзене на территории бывшего концлагеря, где захоронены тридцать тысяч советских военнопленных. Страдания жертв нацизма, считают немцы, обязуют к памяти о них. В этом суть деятельности музея-памятника в Берген-Бельзене.

Следует отметить, что директор Центра Вольфганг Шеель является еще и бургомистром (вице-мэром) столицы Нижней Саксонии Ганновера. Здесь функционирует английская модель коммунальной политики. Гостям из Беларуси был предложен курс лекций по ее проблемам. Участие граждан в коммунальных структурах, формирование бюджета, взаимодействие исполнительных и законодательных органов власти — таковы были основные темы лекций, прочитанных руководителями одного из отделов Центра социал-демократом с более чем тридцатилетним стажем Лотаром Гребнером.

Представители белорусских оппозиционных партий были приглашены в ландтаг на открытие сессии. Президент ландтага Хорст Мильде приветствовал гостей, подчеркнув важность "открытия" Нижней Саксонии новыми белорусскими политиками.

Состоялась также серия встреч с руководителями фракций в ландтаге. В отличие от бундестага, где большинство принадлежит блоку ХДС/СвДП, в Нижней Саксонии правящей партией является Социал-демократическая. В ландтаге она в коалиции с партией Зеленых.

В целом, видимо, влияние германских относительно малочисленных партий (Свободные демократы и Зеленые) на баланс политических сил представит особый интерес для Беларуси в ближайшем будущем. А пока Международная Ассоциация Гуманитарного Сотрудничества (МАГС), штаб-квартира которой находится в Минске, приступила к разработке проектов, намеченных во время визита в Нижнюю Саксонию. Предполагается открытие в Минске Центра, аналогичного по своим задачам ганноверскому.

Ганновер — Минск

КОЛЛАЖ

Лариса Саенко

КОПЫЛЬСКАЯ АНОМАЛИЯ

этюд

— А вот как раз, судя по всему, типичный пример полтергейста. Можем поехать вместе. Если вы, конечно, не...

Нет, конечно. Я уверяю Екатерину Агеенкову, психолога, специалиста по всей этой "бесовщине", что не верю ни в каких домовых, что я абсолютно в здравом уме и при трезвом рассудке. Что весь этот "запредел" — трюкачество сытых. Короче, фотоаппарат со вспышкой — и в путь.

...Нет, это не игра. Распахнув двери, старуха вылетает нам навстречу. Всклокоченные волосы, трясущиеся руки... И глаза: в них — только страх, выжигающий рассудок, подавляющий волю... Старуха тянет куда-то за клуню, она в ужасе шепчет, что духи сегодня вынесли ей смертный приговор, если она введет в дом чужих, если она посмеет жаловаться. "Уходите, уходите, не могу вас принять, — шепчет старая женщина. Шепчет, чтобы духи в доме не подслушали. "Может, не будем расстраивать бабушку — и в самом деле домой?.." — тоскливо тяну я за рукав Екатерину. Вечер, ночь в этом заколдованном доме с этой сумасшедшей старухой кажутся невыносимы. Но Катя гладит трясущиеся, сведенные судорогой старые руки, она нашептывает, что все будет хорошо, что духи не догадаются, зачем мы здесь, мы их проведем, а, быть может, и поможем избавиться от пришельцев... Сумасшедшая на глазах преображается, ужас на ее лице сменяется сомнением. Мы еще обсуждаем план хитрого вторжения к духам, и вот уже идем к дому, и по сценарию хозяйка нарочито громко и радостно приветствует нас: "Здравствуйте, гостеньки дорогие, родственнички мои, что ж вас так долго не было?!" И мы столь же "радостно" вторим ей впопад.

Никакой это не дом. Это халупа, олицетворяющая нищету: подгнившая, скособочившаяся, то ли уже разваливающаяся, то ли когда-то так и недостроенная. Провисшие скрипучие двери, развороченная печь. "Играет старуха, — говорили самые дальновидные, — думает выдурить новый дом". Привлеченные скандальной "нечистой" славой, тут побывали многие официальные лица — из школы, сельсовета и даже райисполкома, знатоки и авторитеты, в том числе священник.

Каждый исполнил свой долг, почти присутствием — и ушел без следа. Впрочем, нет, — кресты, торопливо выведенные на дверях, пороге, шкафу — от священника. Но почему-то не помогают.

... Нам удается обмануть домовых. Не рухнул потолок, не взлетели горшки. И ободренная хозяйка окончательно перевоплощается в Марию Ивановну, медсестру-пенсионерку, бабушку Коли, уже по-земному озабоченную, что выставить на стол редким гостям. Дальше все было совсем обыденное, словно, и впрямь нагрянула родня из города к позабытой, брошенной старухе.

История жизни Марии Ивановны.

Сначала мы изучали в альбоме изображения истинной родни. Потом — досье газетных вырезок на потусторонние темы, бережно собранное хозяйкой. Потом заговорили "за жизнь", Мария Ивановна перестала отлавливать шкварки из яичницы и задумалась, а что же было в ее жизни? Война? Родителей убили, дом сожгли... Война — самое худшее, что было в жизни. А после — вроде ничего и не было. Работа и работа. Замуж вышла — помер Петр Павлович, на войне был сильно поранен. Девочка у них была. Дочь сейчас в райцентре живет, муж непьющий, двое детей у них. Но сюда не ездят. Дочка одна ненадолго заскакивает. Второй раз замужем, первый, Колин отец, без царя в голове... Мария Ивановна работала медсестрой, в деревне уважали, если надо и ночью отзывалась помочь. Колхоз дарил по праздникам подарки — вот хоть этот сервиз на полочке. И председатель вручал открытку... "А ушла на пенсию — и ни открытки даже. Вроде как и не нужна никому, — обиженно поджимает губы. — Разве что Коле".

Вечера бабушка и внук коротают у телевизора. Мария Ивановна любит что-нибудь такое, отчего дух захватывает, и еще политику. Неизгладимое впечатление оставили в памяти кадры падения Берлинской стены, румынские события и расстрел Чаушеску, Карабах и еще несколько съездов народных депутатов СССР, августовский путч...

Та жизнь, на черно-белом экране старенького "Темпа", кажется Марии Ивановне яркой, содержательной, настоящей жизнью, которой и следовало жить. Настоящее кажется тусклым, лишенным какого-то высшего предназначения. Вся жизнь была терпением и ожиданием чего-то лучшего, ради которого можно еще потерпеть. Но не сбылось... Мария Ивановна силится вспомнить что-нибудь необыкновенное в своей жизни, такое, чтобы можно было показать в кино, — и не может. "Ну, а самый счастливый день в вашей жизни?" — не унимаемся мы, желая настроить бабушку на мажорный лад. "Самый счастливый? — Задумывается Мария ивановна. — А сегодня и есть. О жизни поговорили. Меня никто еще так не слушал..."

Она размякла и успокоилась, и даже разбежались ее морщины. Но Коля, беззвучно глядящий в экран телевизора, вдруг начинает мерно, как маятник, раскачиваться вместе с табуретом. Вперед-назад, и глаза его, кажется, ничего сейчас не видят, но в них — тоска... "Задумается о чем-то и ходит маятником — учителя на это жалуются", — объясняет бабушка.

История Колиной жизни.

Мама сначала говорила — поживи немного с бабушкой, потом я тебя заберу, новый папа должен к тебе привыкнуть. И он ждал. Потом у них родился Валик, потом Наташа. Потом Коля повзрослел и понял, что в новой маминой жизни ему нет места. Иногда раньше он убегал к маме в райцентр. В двухкомнатной квартире было уютно и тепло. И он охотно играл с малышами. Но мамин муж хмурился и запирался в комнате, а мама начинала зло кричать на детей.

Вот тогда-то, наконец, объявился настоящий папка. Он прислал покаянно-философское письмо, объясняющее его долгое отсутствие, и свою фотографию. Лицом Коля в отца. Только у папаши неестественно лихо завернуты кверху усы, а у Коли не по возрасту залегли на лбу морщины. Папка писал хорошие письма, обещал забрать к себе. Забирать, правда, было некуда, усатый весельчак приживался то при одной, то при другой бабе, да ненадолго... Давая адрес, он неизменно звал Колю в гости. И обещал даже выслать денег на дорогу.

Ну, не прямо сейчас — нужно было немного подождать. Ведь мы с тобой мужчины, писал папа. И Коля ждал. Но однажды папа приехал сам. Он похлопал Колю по плечу, полистал дневник, потом стал тоскливо глядеть в окно, потом, заметив кого-то знакомого, сказал: подожди, я сейчас, и пришел поздно вечером сильно пьяный. Он ругался, разбил окно и самое дорогое — телевизор, а поутру уехал не простившись... После этого Коля достал из какого-то заветного места его письма и бросил их на подоконник. Так и лежат...

Коля тихий и послушный мальчик. Учится средне — очень рассеянный. Маленького роста. Другие восьмиклассники — лбы, курят, да с девчонками тискаются за клубом. А он у телевизора с бабушкой. А вообще Коля смелый. Он не боится духов. На ночь на столе он оставляет им бумажки и карандаш. Духи пишут ему записки, и он переводит бабушке.

Вот как раз одна на столе. Коля берет обрывок тетрадного листа и смотрит на какие-то бессмысленные каракули. Коля читает послание домового: "Когда вырастешь — будешь водителем первого класса". Коля мечтает стать шофером.

...Всю ночь на чердаке резвились крысы... Потрескивала старая остывающая печь... "Слышите? Слышите?!", — шептала Мария Ивановна, вскакивала и, призывая господа Бога, семенила по по комнате, заламывая руки. Во сне что-то говорил Коля... Вот и весь полтергейст...

Мы уезжали на следующий день, убедившись, что ни научные, ни житейские доводы никак не трогают Марию Ивановну. Она лишь замыкается, глядя с недоверием, как на обманщиц, втершихся к ней в доверие. И не сговариваясь две женщины в здравом уме стали рассуждать, что духи бывают в общем-то неплохие. И даже чаще всего они неплохи — ну, капризные, ну, шумят, деспоты, конечно. Но они же и помогут, и беду отведут. "Домовой не обидит, он ваш защитник, надо только в это поверить", - вдохновенно лгали мы. И Мария Ивановна соглашалась, благодарно кивая головой: "Должно быть так".

Мы оставляли разваливающийся дом. И разрушенную семью, где без опоры среднего поколения неприкаянны в своем одиночестве стар и мал. Их бросили самые близкие — дочь, мать, отец... Оставалось надеяться только на чудо...

Копыльский район

Реплика

КТО РАБОТАЕТ НА ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА?

"Необходимо еще разобраться, каким образом у вас произошло первичное накопление капитала", — заявил депутат ВС РБ Трусов, дискутируя в печати с одним из белорусских предпринимателей. Такого рода высказывания в адрес новых бизнесменов приходится довольно часто слышать от политиков и лиц, исповедующих "национальную" идеологию. В начале 1992 года председатель Латвийского общества охраны памятников разразился бранью в адрес местных бизнесменов. В России негативное отношение к бизнесменам демонстрируют прокоммунистические и националистические группировки.

Бывший коммунист Трусов, ныне активный член оппозиции БНФ в белорусском парламенте и член Социал-демократической Грамады, демонстрирует чисто потребительское сознание, соответствущее популистской идеологии. Но способствует ли лично О.А.Трусов улучшению материального положения своих избирателей, ведет ли он борьбу за создание новых рабочих мест и сохранение старых? Вот чем следует измерять свою работу "на пользу народную".

Проще всего обвинять предпринимателей в обнищании народа. Но в сегодняшней экономической ситуации только предприниматели и создают новые рабочие места. Хочется напомнить уважаемому парламентарию, что в странах с развитой рыночной экономикой 5 % населения платит 45 % налогов, из которых потом осуществляется поддержка национальной культуры, выдача дотаций и т.д.

Ф.Тэн

РЕДАКЦИОННЫЙ ДНЕВНИК

БЕЛОРУССИЯ РОДНАЯ, УКРАИНА ЗОЛОТАЯ...

БЕЛАРУСЬ В ЗЕРКАЛЕ УКРАИНСКОЙ ПРЕССЫ

"К чести наших братьев–белорусов... приходится сказать, что они были одними из первых, которые выступили на защиту своего языка и культуры. Это была сенсация, которой никто не ждал... казалось, именно белорусы наиболее русифицированы, именно они утратили в своем большинстве свою идентичность".

Такая оценка была дана авторитетным журналом украинской диаспоры "Сучасність" (до 1992 года он выходил в Мюнхене, а ныне — чудны дела твои, Господи! — в Киеве). Украинская пресса достаточно внимательно следит за ситуацией в Беларуси. В статье Г.Рубанюка "Развитие политических событий в Белоруссии", опубликованной в газете украинской диаспоры "Шлях перемоги" (10.11.1991), она оценивалась по контрасту с положением республики как "образцовой российской колонии". Автор воздал должное тактике "забегания вперед" бывшего партийного аппарата, т.е. перехватывания лозунгов БНФ и... предания их грызущей критике мышей. "Белорусам для счастья достаточно одной колбасы", — констатировал Г.Рубанюк. Такое резюме дополнено картиной господствующего в республике равнодушия большинства "омещанившегося в негативном смысле" населения.

Неприятие "колбасной психологии" воспроизводит ленинский разрушительный "примат политики над экономикой" тех, кому демократы искренне хотели бы служить. Возможно, в благополучном, "омещанившемся" в хорошем смысле слова Мюнхене, где выходит "Шлях перемоги", это понять труднее. Но в Беларуси?

В 1992 году интерес к белорусским делам в украинской прессе значительно возрос, и проблемы стали обсуждаться более предметно. Примечательна вторая статья Г.Рубанюка "Белоруссия активизируется" ("Шлях перемоги", 7.06.1992). Автор продолжает анализ динамики политических событий в республике, но уже на этапе борьбы "про" и "контра" референдума о новых выборах парламента. Исходя из принятой им версии "колбасной психологии" большинства населения республики, он констатирует: "Нет уверенности, что если даже провести такие выборы, их обязательно выиграет оппозиция. Может случиться и так, что обедневший, равнодушный, полный неверия народ выскажется против всяких изменений, предвидя в них возможность дальнейшего ухудшения и без того тяжелых условий жизни".

Процесс консолидации политических и общественных сил пока более преуспел в определении не внутренних, а внешнеполитических ориентаций РБ, и Г.Рубанюк анализирует эту тенденцию. Соединение на основе Антикризисного соглашения таких фигур, как В.Кебич и З.Позняк, по мнению украинского публициста, является реакцией на "стремление официальной Москвы протолкнуть "обновленный Союз" под вывеской Содружества и неоднократные высказывания... крайне левых и правых организаций о неделимости Советского Союза".

Разговор о позиции "официальной Москвы" — особый. Точку зрения "левых" и "правых" исчерпывающе изложил бывший шеф советской контрразведки, генерал О.Калугин в интервью газете "Самостійна Україна" (1992, N 7): "Сегодня продолжается борьба за сферы влияния. Мы видим Украину и Белоруссию как единое целое, т.е. эти народы должны жить в одном государстве (с Россией. — ред.)".

Быстро набирающая "очки" новая львовская газета "Post–поступ" (аналог "Мегаполис–экспресс") в N 2 1992 г. предлагает читателям сравнить некоторые параметры экономического механизма на Украине, в России и Беларуси. Оказывается, налог на доходы предприятий в России составляет 18%, а в Беларуси — 30%. Налог на добавочную стоимость повсюду одинаков — 28%. Отчисления от фонда заработной платы на социальное страхование в Украине составляют 37%, в России — 5,4%, а в Беларуси — 40,8%. Эти данные позволяют выявить особенности стимулирования или торможения производства, решения вопросов социальной политики.

Газета "За вільну Україну" (1.02.1992) опубликовала обширное интервью с председателем ВС РБ. Лидер Беларуси отметил основные особенности положения республики и обусловленную ими прагматическую стратегию. Во-первых, "в отличие от Украины, Беларусь в значительно большей мере была придатком империи... экономически зависимой". Во-вторых, республика — "наиболее милитаризированная страна в Европе", и ей гораздо сложнее переходить к статусу нейтрального государства. В-третьих, ситуация в белорусском социуме такова, что по преимуществу он остается "обществом людей коммунистического мировоззрения". Точным слепком направленности таких ориентаций является расстановка сил в парламенте. Наконец, "белорусский народ находится в намного более глубоком состоянии российской ассимиляции, чем народ украинский... этот процесс достиг таких масштабов, что просто страшно смотреть". Поэтому, разъяснил С.Шушкевич, "моя белорусскость может быть более высокой, чем у кого-либо, но на первое место ставлю здравый смысл... мы просто не имеем права делать резкие шаги".

Это интервью подтверждает традиционную для председателя ВС РБ и хорошо известную общественности его приверженность эволюционным методам развязывания "гордиевых узлов", неприятие "массовых эффектов" — слепого подражания действиям других государств, необходимость проведения вдумчивой, "серьезной государственной политики".

Орган украинского РУХа "Народная газета" (№ 5) опубликовала открытое письмо председателя Товарищества украинского языка Киевского университета В.Радчука "Беларусь "не замечает" украинцев?", адресованное главному редактору газеты "Літаратура і мастацтва". "Всякая государственная нация, — пишет автор, — лишь выигрывает от живого, непосредственного и тесного контакта с национальными меньшинствами, если обеспечивает им полный и беспрепятственный культурный расцвет". Между тем, сетует он, "ваша газета упорно не замечает очевидного и важного факта: что в Республику Беларусь на равных правах входят и украинские этнические территории, население с сотнями тысяч украинцев".

Очевидно, В.Радчук обращается к "ЛіМу" как к газете белорусской "государственной нации", а не как к органу Союза писателей Беларуси. Оставив национальные меньшинства за скобками государственного статуса, он уже лишает себя возможности реализовать замысел: "на равных правах" защищать интересы украинцев в Беларуси. Впрочем, тот Вавилон, который творится в трактовке соотношения понятий народа, этноса, нации, национальности в их связи с государственностью на практике, — вина не автора письма. И, видимо, суть его пафоса следует разделить. Во всяком случае, отвечая на вопрос: "А самой Беларуси ситуация кипящего котла не угрожает?", — А.Перепечко в "Народнай газеце" (8.01.1992) заметил: "Как сказать! Если своевременно не открыть соответствующие клапаны, и наш край можно будет не узнать." Возможно "затяжное выяснение межэтнических отношений". Это проблемы "национальной и религиозной диаспоры".

Диаспора — проблема по определению. И если нации, давшие имя республикам, монополизируют государственный статус, мы все окажемся там, где уже нет проблем. Каждый народ думает, полагал Ницше, что "нашим соседом является не наш сосед, а сосед нашего соседа". Вовсе не бесспорный афоризм. Но, дай Бог, чтобы он никогда не относился к белорусскому и украинскому народам.

И. Л.

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

***Газета "Европейское время" (по крайней мере, N 1) решительно не понравилась Рыгору Бородулину. "І такая газета, я не ведаю, на каго яна разлічана", — заявил наш поэт в беседе с Галиной Айзенштадт. И вообще: "Не па каню хамут"** ("Свободные новости", №19).*

Конечно, может быть и такая критика — с лошадино-хомутной аргументацией. И все-таки, Рыгор Иванович, может лучше писать стихи, чем давать смахивающие на пародию интервью? А то придет такая раскованная "звезда" нашей журналистики, вовремя сменившая коммунистические идеалы на марки радио "Свобода", поболтает о том — о сем да и назовет беседу — "Корыта" у него никогда не было". Это вам что называется удружили — "корытом" измерили личность и творчество. Другого мерила не нашлось. Выбирать надо собеседников, дядька Рыгор...

* * *

***"Не получится ли, в самом деле, что Беларусь, во–первых, станет плацдармом для перекачки дешевого белорусского сырья по бросовым ценам в Израиль? Во–вторых, не отводится ли в связи с этим нашей республике роль слаборазвитого колониального придатка Израиля? И не должны ли этому активно способствовать тысячи возвращенцев?" (Исход с "земли обетованной", или Почему многие евреи хотят вернуться в Беларусь?** — "7 дней", №42).*

Два заслуженных "юдофила" В.Козляков и Е.Семашко ведут задушевную беседу. Где-то рядом бродит тень их духовного отца — В.Бегуна. Собеседникам хорошо, они понимают друг друга с полуслова. Вот только рубрика газетная — "Взгляд на проблему" — не соответствует содержанию. Может быть, редакции стоит озаглавить этот уютный уголок, так сказать, ближе к теме. Например — "На приеме у психиатра".

* * *

***"Дапускаю, што могуць скласціся абставіны, калі рускамоўнаму функцыянеру ўсё ж трэба будзе даць магчымасць выступіць у беларускамоўным эфіры. У такіх выпадках, каб толькі не парушаць моўнага рэжыму работы радыё і тэлебачання, пасля першых жа слоў выступоўцы на рускай мове журналіст сам перадае ўвесь змест яго прамовы па–беларуску, г.зн. звяртаецца да практыкі арганізацыі перадач, калі ў беларускую студыю запрашаюцца англічане, французы, немцы ці яшчэ якія–небудзь іншамоўныя асобы"** (Леанід Лыч. Калі ж на ўсю моц загучыць роднае слова на газетнай паласе і ў эфіры? — "Народная газета", 29 октября).*

Во всяком случае, не тогда, когда из белорусов начнут делать англичан или немцев, не понимающих русского языка. Повышение авторитета белорусского языка, укрепление его статуса неразрывно связано с общим повышением уровня культуры в обществе. Увы! — статьи доктора исторических наук Л.Лыча, так зримо напоминающие инструкции идеологического отдела ЦК КПБ, не внушают надежд на скорое начало этого процесса.

* * *

***Координационный Совет белорусских объединений Виленщины направил в Верховные Советы Беларуси и Литвы заявление, в котором высказывается обеспокоенность намерением властей республики Беларусь и Литовской республики закрыть границу между двумя государствами. "Неужели нужно было освобождаться от изоляционистского коммунистического режима для того, чтобы возвести новый занавес там, где его никогда не было?!"** — говорится в заявлении ("Наша Ніва", №7).*

Но будем справедливы, господа: при "изоляционистском коммунистическом режиме" мы тем не менее свободно ездили не только в Вильнюс, но и в уже закрытые для безвизовых путешествий Ригу и Таллинн. Кстати, это подтверждает и следующий абзац заявления: "Между Виленщиной и Беларусью действительно никогда в истории не было границы. И тот занавес, который власти создают сегодня, — это совсем новая историческая реалия, направленная на ограничение прав человека, искусственное разделение традиционного этнокультурного региона, дальнейшее отчуждение Вильны, как исторического и духовного центра от белорусского народа".

Что ж, пограничные столбы, национально-государственное отчуждение — это неизбежная плата за суверенитет новых государств, появившихся в пределах бывшего СССР. И с какой стати мы должны пользоваться у литовцев особым доверием и особой любовью? И почему это они должны думать о Вильне "как историческом и духовном центре белорусского народа?" Поэтому не надо впадать в патетику. Путь к восстановлению доверия будет сложен. И не надо еще осложнять его штампованными апелляциями к "правам человека". Нужно беречь дух белорусской Вильны, как это делают белорусские объединения в Литве, как это делает газета "Наша ніва". Нужно беречь память о белорусской Вильне так, как сберег ее Левон Луцкевич, о чем свидетельствует интереснейшая беседа с ним, опубликованная в том же номере "Нашай нівы".

Spiritus flat ubi vult

Свободный дух веет, где хочет

«ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ»

Международное обозрение. Республика Беларусь.
Издание зарегистрировано в Министерстве информации РБ, № 542

Главный редактор
Семен БУКЧИН

FINITA

ФЕЛЬЕТОН

СВЕТСКИЕ БЕСЕДЫ

Дама просто приятная и дама приятная во всех отношениях

— Здравствуй, милочка!

— Здравствуй, душечка!

— Ты нынче чем-то огорчена?

— Да у меня скандальчик вчера с Васенькой, муженьком моим ненаглядным, вышел. Я давно ему говорю: "Васенька, пора уже определиться! Пора выбрать какую-то партию и вступать! Сколько это можно без партии жить?"

— А он что?

— А он говорит: "Партий этих теперь как грибов после дождя развелось. Раньше одна была. Вступил и знал, что она правящая. Что-нибудь да подбросит. И карьеру можно было сделать. И вообще за ней, за той партией, как-то надежно было. А теперь какую выбрать? Ведь и ошибиться легко!"

— Ты знаешь, душечка, а ведь он прав, Вася твой. Мы с моим Николаем ведь о том же думаем. Я иногда достану заветную коробочку из-под шоколадного набора — помнишь, был такой с ликерной начинкой! — погляжу на его партийный билет, пыль смахну да и спрячу опять в укромный уголок. А что? Пусть лежит себе...

— Думаешь, эти, коммунисты, вернутся?

— Как знать, как знать, душечка...

— А и вправду, милочка, все может случиться. Недаром Чикин, ихний нынешний вождь, говорит, что мы, мол, здание ЦК и все государство как бы в аренду отдали... Берегите... С вас, временных правителей-захватчиков, мол, взыщется...

— Что ж... Все может быть... И вернутся, и взыщут.

— Раньше-то проще было определиться. Куда конь с копытом — туда и рак с клешней.

— Это ты про начальников наших?

— Ну да! Вот если б точно знать, в какой партии Шушкевич с Кебичем состоят — туда бы и нам.

— Они теперь, милочка, беспартийные. Говорят: не партиям — народу служим, обществу. Неудобно, мол, нам, на самом верху будучи, в партиях состоять. Они как бы нейтральные теперь, большие начальники наши.

— Эх, душечка, это только так говорится — нейтральные! А сами, небось, тоже в коробочках заветных свои партбилеты до поры до времени захоронили.

— Да ведь у них всей правды все равно не дознаешься. А, может, на этого поставить... ну, который все время кричит: "Номенклатура! Номенклатура!"

— Это ты про Зенона, что ли?

— Про него, про него, душечка! Веришь ли, когда он там, на сессиях, выступает, меня всю аж трясет. В такое возбуждение прихожу — стыдно признаться. Волнует он меня необыкновенно... Там ведь, сама видишь по телевизору, тюфяки разные заседают. А этот — такой мужчина... Горячий, видно, страстный...

— Вон куда тебя занесло! Так ведь к Зенону без белорусского языка не подступиться. У тебя как с белорусским-то?

— Плохо! Пробовала я учить да не идет в голову...

— То-то и оно! А собралась к этим... к националам примкнуть. У них, милочка, все строго. И про язык спросят и паспорт надо предъявить — какой, мол, нации человек. Строгая партия!

— Выходит, нету для нас подходящей команды?

— Поглядеть, поискать надо. С этим делом нынче спешить опасно. Вот есть еще эти... либерало-демократы или демократо-либералы... Они вроде между коммунистами и националами хотят уместиться. Центристами себя называют...

— Так, может, нам туда, к ним?

— Да несерьезные люди там... Болтуны... Власти у них никакой нет и не будет. И народ их не понимает. Вот Чикин тот же, к примеру, на митинге расскажет про хорошую жизнь при Брежневе — всем понятно. Зенон закричит против номенклатуры — тоже понятно. А эти — чего хотят, куда гнут? Темное дело...

— Выходит, душечка, без партии пока будем?

— Выходит, милочка...

— Тяжело это...

— Ой, тяжело...

Globe Trotter

Рис. А. Свинаренко

АРХИВ

КАК ЦАРСКАЯ РОССИЯ ПЫТАЛАСЬ ОТКРЫТЬ В БЕЛАРУСИ УНИВЕРСИТЕТ

В журнале «Витебский край», выходившем еженедельно в 1916–1917 гг., был опубликован очерк Евг.Белозерского «Белорусский университет» /№ 2, 6 ноября 1916 г./. Мы даем краткий пересказ этого небезынтересного материала.

«В первой четверти прошлого столетия, — пишет автор, — по политическим и религиозным причинам были закрыты два высших учебных заведения в Белоруссии: виленский университет и полоцкий иезуитский коллегиум». В начале 30-х годов министр народного просвещения князь Ливен испрашивал «высочайшее разрешение», дабы «объявить дворянству Белоруссии о предназначенном там учреждении высшего училища, в коем тамошнее юношество может получить окончательное образование, не имея надобности отправиться для того в отдаленные русские университеты».

Император Николай I велел в 1832 г. «высшее училище или лицей» основать в Орше, а «на помещение взять католический и униатский монастыри и здания присутственных мест». Царь даже трижды выразил свою волю — открыть лицей в Орше. Но в 1833 г. образовался новый учебный округ — киевский. В Киев из Кременца Волынской губернии переехал лицей, преобразованный в университет св.Владимира. На него и пошли средства, предназначенные для оршанского лицея.

Впоследствии киевский и виленский учебные округи объединились. Тем не менее, отмечает автор, «предположение сделать Киев средоточием учебной системы всех западных губерний не оправдалось ни в самом начале, ни впоследствии. Шесть северо-западных губерний никогда не тяготели к юго-западу, предпочитая такие просветительские центры как Петербург и Москва. Местная учащаяся молодежь и получала университетское образование в Московском, Петербургском и отчасти Юрьевском университетах».

В начале 60-х годов витебское дворянство ходатайствовало перед Александром II об открытии университета. Идея зрела более десяти лет. Наконец, министр народного просвещения Д.Толстой составил записку об открытии университета в Полоцке, в пустовавших зданиях униатского монастыря. В связи с этим ставился вопрос о переводе Полоцкого кадетского корпуса в Юрьев или Вильну. На этот раз помешала русско-турецкая война, хотя император, подчеркивает Евг.Белозерский, сочувствовал идее. Каким образом помешала война с Турцией открытию университета в Беларуси, автор не сообщает. Вероятно, Александр II был занят более важными делами.

В 10-е годы нашего века спор об университете на западе империи приобрел нешуточный характер. За право открыть у себя университет боролись Вильна, Минск, Могилев, Витебск, Смоленск. Но дело, как всегда, решало большое начальство. А самым большим российским начальником тогда был Петр Аркадьевич Столыпин. Уроженец города Саратова. Поэтому на Волге, а не в Белоруси был открыт еще один — после Казанского — университет.

Заканчивая свой очерк, Евг.Белозерский призывал хлопотать об открытии университета в Витебске. Что вполне естественно, поскольку и журнал «Витебский край» и его автор имели самое непосредственное отношение к этому замечательному городу.

О ПОДПИСКЕ на «ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ»

Уважаемые друзья, читатели «Европейского времени»!

Наша газета — независимое частное предприятие, не получающее ни рубля из государственного бюджета.

Становление нового издания протекает в сложной экономической ситуации. Мы собирались пока распространяться только в розницу. Но множество звонков в редакцию, письменные обращения убедили: у газеты с первых номеров появился свой читатель, и он желает получать "Европейское время" по подписке.

Наша газета пока — ежемесячник. Первый номер вышел в сентябре, второй — в октябре этого года.

Убедившись в заинтересованности читателя, мы стали хлопотать о подписке и, естественно, несколько запоздали. И тем не менее "Европейское время" вошло в каталог периодических изданий.

Сегодня на газету можно ПОДПИСАТЬСЯ И ПОЛУЧАТЬ ЕЕ С ФЕВРАЛЯ И ДО КОНЦА ПЕРВОГО ПОЛУГОДИЯ 1993 Г.

Наш индекс — 63139.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

Учредитель С.В.Букчин
Адрес редакции: 220050, Минск, ул.Кирова 13, гостиница "Свислочь", № 512.
Телефон редакции: 20-45-67 (с 14-00 до 18-00).
Для писем:
220100, Минск-100, а/я 338, "Европейское время".

Компьютерный дизайн Р. Бакалдина

Перепечатка материалов допустима только с разрешения редакции. Ссылки обязательны.

Индекс 63139 Тираж 20000 экз. Цена 5 рублей
Газета отпечатана в типографии издательства «Белорусский дом печати» 220041, Минск, проспект Скорины, 79
Номер подписан в печать 24.11.1992 г. Зак. №2099